Подменный князь

Автор:
Иван Апраксин

Подменный князь

Иван Апраксин

Подменный князь #1

Языческая Русь десятого века. Пылают погребальные костры, и кровь заколотых жрецами младенцев льется на каменные алтари древних богов. С дружиной головорезов, сея смерть и разрушение, на Киев идет зловещий конунг Вольдемар. Немногочисленные христиане со дня на день ожидают расправы.

Сюда, в этот чужой и страшный мир, неведомое Нечто таинственным образом перенесло молодого московского врача по имени Владимир. Ему нужно выжить самому, а заодно спасти девушку Любаву-Сероглазку, которую он встретил и полюбил. Но зачем он здесь? И что ждет его впереди?

Иван Апраксин

Подменный князь

Глава 1

Пришелец

Я, конечно, допускаю путешествие во времени, раз уж мы находимся здесь…

Пол Андерсон. «Патруль времени»

Первое, что я услышал проснувшись, был плеск ручья. Вода текла в метре от моей головы, а сам я лежал на крупном песке – холодном и влажном. Сверху шумели кронами березы и осины, по верхам которых гулял ветер.

Я сел и огляделся. Ручей был нешироким, с прозрачной водой, сквозь которую явственно виднелось поросшее илом дно. Протянув руку, я нащупал ружье и чуть успокоился. В этом было уже что-то понятное: ложась отдохнуть, я положил двустволку вплотную к своему телу. Как-никак, я находился один в лесу и ружье в такой ситуации – дело серьезное. Тем более что места мне не слишком знакомые, а ружье – не мое. Мне дал его Петр.

С Петром мы шесть лет учились вместе в мединституте в одной группе и все годы даже сидели рядышком. Студенческая дружба, как и школьная, – самая крепкая, я так считаю. После окончания института я остался в Москве, а Петр вернулся к себе на родину, в маленький белорусский городок, расположенный неподалеку от Полоцка. С тех пор прошли годы, за которые немало воды утекло. Я многое узнал о жизни и практической медицине, работая линейным врачом на московской «Скорой», а Петр сделался заведующим поселковой амбулаторией и получил в свое распоряжение больничку на десять коек, врача-стоматолога и полненькую розовощекую фельдшерицу, на которой не замедлил жениться.

А неделю назад я приехал к нему погостить.

«Рыбалка отличная, – писал мне Петр, зазывая к себе. – Охота великолепная, а местный самогон – произведение искусства».

Особенного выбора, где провести отпуск, у меня не было: не в Турцию же ехать на жару по дешевой путевке. Отчего не навестить старого друга и не получить все три вида нехитрых, но зато подлинных удовольствий, которые он описывал?

Другое дело, что все сложилось не совсем так, как я себе представлял. Во-первых, Петр оказался настоящим трудоголиком, чего за ним прежде отнюдь не замечалось. А население вверенного его попечению поселка, видимо, насквозь больным, потому что мой друг пропадал в своей амбулатории днями напролет. Когда же он, совершенно измотанный, возвращался вечером, об охоте и рыбалке не могло быть речи, так что нам оставалось лишь третье из перечисленных им

удовольствий, наиболее доступное, а именно – картофельный самогон. Впрочем, сельская интеллигенция увлекается этим делом еще с чеховских времен…

Спустя неделю такого отдыха я не выдержал и, поняв, что от Пети толку не будет, выпросил у него двустволку и с раннего утра отправился на охоту в одиночестве. Заблудиться я не слишком боялся: с собой имелся компас, а охотником я был довольно опытным – вырос в военных гарнизонах, где служил отец, а охота там – едва ли не единственное развлечение. Не считая офицерской «стекляшки» и походов по чужим женам, что по молодости лет было для меня недоступно.

– На кабана пойдешь, – решительно сказал накануне вечером Петя, отсчитывая мне патроны. – У нас их тут сейчас прорва. Жаканом будешь бить, так надежнее.

– Жакан лучше на медведя, – нерешительно заметил я, но Петя был тверд.

– Нет у нас медведей, – отрезал он. – Давно всех извели, еще в шестидесятых. Мне только отец рассказывал про них. А кабана жаканом достать – верное дело. Между глаз – и готово. Вот тебе шесть штук, держи. Достанешь кабана – Людка зажарит с картошкой, а я вечером приду, отметим это дело. У меня завтра две операции, так что я поздно буду.

В лес я вошел в шесть часов утра, когда солнце еще только вставало над деревьями и ночной холод хоронился в темных чащах. Белорусские леса знамениты своими чащобами.

Через пару часов я с непривычки подустал. Бродить по лесу – это не прогулки по аллеям. Упавшие деревья, густой кустарник, прогалины с крутыми склонами, а ты при полном снаряжении – с ружьем, подсумком, в сапогах, чтоб не промочить ноги в болоте. Правда, следы пребывания кабанов я заметил, уже предполагал вскорости выйти и на зверя, как вдруг…

Усталость накатила внезапно. Я брел по краю болота, поросшего зыбким светло-зеленым мхом, на котором яркими пятнышками светились кустики созревающей брусники, и внезапно почувствовал слабость. В голове зашумело, ноги сделались слабыми, и стало понятно, что нужно отдохнуть. Избыток кислорода, непривычный для московского жителя, вчерашние возлияния в гостеприимном доме или банальная дистония: на отдыхе не хотелось ставить диагнозы даже

себе самому.

Сел на траву, прислонился спиной к сосне и закрыл глаза. В этот момент я словно куда-то провалился.

И вот теперь я открыл глаза. Проснулся или очнулся – это можно называть по-разному. Судя по тому, что чувствовал себя хорошо, отдохнувшим и полным сил, лучше сказать, что проснулся. Кроме того, мне что-то снилось, чего при обмороках не бывает, так что – именно проснулся.

Вот только места я не узнавал. Заснул на краю болота, а проснулся на берегу ручья. И лес вокруг изменился: были сосны, а теперь оказались березы и осины.

Кто-то таинственный пришел и перетащил меня по лесу на другое место? Абсурд. Кому это надо и зачем? Таскать меня тяжело, хоть я и не толстый, но все-таки рост сто восемьдесят восемь сантиметров. И ружье цело…

Или я заснул, а потом встал и, как лунатик, бродил по лесу, пока снова не улегся? Ну, это просто бред! Уж чем-чем, а лунатизмом я никогда не страдал. И вообще: если можно в наше время встретить полностью психически здорового москвича, то это ваш покорный слуга.

Страха не было. Я сидел у ручья и под его мягкий шелест, под шум берез на ветру, медленно перебирал в голове возможные варианты объяснения.

Я сделался жертвой злоумышленников? Вряд ли, ведь меня не убили и не обокрали.

Похитили инопланетяне? Интересная мысль, конечно, но тогда где же они? Ау, инопланетяне!

Или я сошел с ума? Пожалуй, эта версия выглядела наиболее правдоподобной, хоть и печальной. Но психиатрическое заболевание – это не тот диагноз, который человек, даже будучи врачом, может поставить себе сам.

Впрочем, долго сидеть мне не пришлось. Рев зверя – глухой и мощный – послышался из леса. Казалось, некое чудовище рычит совсем близко от меня. На

кабана это было совсем не похоже.

Вскочив на ноги, я проверил на всякий случай, заряжено ли ружье, а потом побежал на рев. Побежал, правда, это слишком сильно сказано. Теперь лес вокруг меня был совсем иным, чем тот, в который я вошел утром: он стал значительно гуще и сильно засоренным, заваленным гниющими стволами деревьев, непроходимым и каким-то удивительно колючим кустарником. Через этот лес нужно было продираться.

Вот и поляна, на которую я выскочил наконец, забыв об опасности. И что же?

Первое, что бросилось в глаза, – обезображенный труп, залитый кровью. Мужчина, судя по коже на ногах, довольно молодой. Больше ничего сказать было невозможно, потому что все остальное представляло собой одну сплошную рану. А лучше сказать – труп был обгрызен со всех сторон и вывороченные внутренности багровым осклизлым комом тянулись из живота несчастной жертвы.

Никакие убийцы не делают такого, они просто не в состоянии. Человек не может сделать такого с другим человеком – это ему не по силам. Картина была настолько же очевидной, насколько ужасающей – тут орудовал зверь.

И зверя я увидел уже в следующий момент. В первое мгновение мой взгляд сфокусировался на изуродованном человеческом теле, но затем я увидел и виновника этого кошмара. Черный медведь, нелепо перебирая короткими толстыми лапами, разворачивался в мою сторону. Голова его была низко опущена, но из этого ничего не следовало – зверь отлично разглядел меня и готовился к нападению. Шкура его тускло поблескивала в лучах солнца, пробивавшихся сквозь густую листву деревьев. Глаза мои разом охватили всю поляну – нужно было оценить ситуацию. А один ли медведь или их несколько?

Вроде один, но вот только позади зверюги я увидел кое-что, заставившее меня содрогнуться. Дерево, а к нему привязана девушка. Как ни странно, она не металась и не кричала. Наверное, потеряла сознание от ужаса. Что ж, немудрено. Она, видимо, смотрела на убийство, совершившееся перед ее глазами, и готовилась стать следующей жертвой. И стала бы ею, если бы не мое внезапное появление.

Времени на размышления у меня не было совсем: медведь развернулся в мою сторону для нападения. Окровавленная морда с торчащими клыками была по-прежнему опущена в траву, но, по рассказам опытных охотников, я знал – так всегда бывает перед решительным броском. Он зарычал – утробно и угрожающе.

«А Петька врал, что тут нет медведей, – мелькнуло у меня в голове. – В шестидесятых годах извели!»

Ну да, как бы не так!

Надо сказать, что на медведей я никогда не охотился. Кабаны – да. Зайцы, лисицы, хотя их везде уже мало осталось. Ну, птицы, конечно. А чтоб медведи – это нет.

Ну, в первый раз…

Вскинув ружье, я постарался прицелиться точно между глаз животного. Медведь двигался ко мне будто бы неторопливо, но было ясно: у меня есть один выстрел. Один выстрел – один шанс. Если я промахнусь, то перезарядить ружье точно не успею, – обезумевший от крови и человечины зверь налетит на меня, собьет с ног, и все, пиши пропало. На лесной поляне появится второй обглоданный труп, а вскоре и третий, но я этого уже не увижу.

Беда была в том, что я не готовился к этой встрече. Готовился-то охотиться на кабана, а встреча с медведем – всегда риск, настоящий. Дыхание перехватило, руки ощутимо тряслись.

Нормально! Пошатнувшись от сильной отдачи в плечо, я почти сразу увидел, что не промахнулся. Это было главное – попасть. Потому что два жакана, попавшие в голову, не оставляют медведю никаких шансов – это конец.

Зверь встал на задние лапы, открыв грязное брюхо, покрытое окровавленной шерстью с налипшей травой, а затем повалился назад, на спину. От грохота двух выстрелов с деревьев сорвались стаи птиц, которые теперь с тревожными криками кружились над головой.

Теперь передо мной на поляне лежали два трупа – обглоданный человеческий и целехонький медвежий. А в следующее мгновение я уже переводил ошалелый взгляд на край поляны, где находилась привязанная к дереву девушка в полуобморочном состоянии. Руки ее были закручены назад, голова откинута. Пора было заняться и ею.

В эту минуту я внезапно пожалел о том, что сам не могу потерять сознание. В конце концов, все это уже слишком для обычного неподготовленного человека. Проснуться в незнакомом лесу, тут же подвергнуться нападению медведя, убить его, да еще и обнаружить явно приговоренную к страшной смерти в звериных лапах девушку! Нет, ну как тут не захотеть зажмуриться и потерять сознание! Я же не Джеймс Бонд, а нормальный человек…

Убедившись в том, что яростная зверюга мертва, и даже для надежности пнув тушу ногой, я приблизился к барышне и занялся ею. С каждой минутой мое смятение росло, потому что с самого момента пробуждения я все время сталкивался с чем-то неожиданным и непонятным.

Девушка была привязана какой-то странной веревкой, сплетенной из коры дерева – осины или бука. А может быть, из стеблей папоротника, я в этом не слишком разбираюсь. И одежда на ней казалась также необычной. Длинное платье из некрашеной холстины, а на ногах – искусно сплетенные, хотя уже несколько изношенные лапти. Согласитесь, так ходят только сумасшедшие художницы или подобного рода эксцентричная публика…

Вытащив складной нож, я перерезал путы, и в этот момент выяснилось, что девушка вполне в сознании. Видимо, она прикидывалась до тех, пор, пока не убедилась в моих добрых намерениях. Что ж, весьма предусмотрительно с ее стороны.

– Кто вы? – стараясь унять волнение, спросил я. – И вообще, что здесь произошло? На вас напали?

В голове у меня уже имелся некий схематический план дальнейших действий. Врачу «Скорой», да еще в Москве, часто приходится принимать стремительные решения – жизнь заставляет, ситуации бывают совершенно дикие. Сейчас отведу девушку в поселок, найдем участкового, и если он не пьян с утра, напишем заявление. И пусть дальше милиция разбирается, что тут произошло.

Но тут девушка заговорила.

Это не был русский язык. И не был белорусский, хотя в глухих местах под Полоцком, где мы находились, некоторые старики еще могут связать несколько слов по-белорусски – я даже сам слышал. Но нет, девушка ответила мне на чем-то совершенно невообразимом. Я понимал ее хорошо, но оставалось лишь удивляться, отчего это происходит. Или у меня появились новые лингвистические способности?

– Нас хотели убить, – затараторила спасенная мною жертва. – Нас с Хельги схватили прямо в поле, где мы гуляли, и притащили сюда. И привязали, и оставили медведям.

Она с ужасом покосилась в сторону обглоданного трупа, лежавшего неподалеку.

– Хельги погиб первым, – пробормотала она, опуская голову. – А первой могла быть я. Просто медведь раньше увидел Хельги, вот так и случилось…

Она опустилась на корточки, а потом села на землю под деревом, обхватив руками колени под длинным платьем. Глаза ее блуждали, но к смертельно бледному до того лицу возвращался слабый румянец. Только сейчас я рассмотрел ее. Девушке было на вид лет двадцать. Высокого роста, но не крупная, с длинными золотистыми волосами, рассыпающимися по спине.

«Да она красавица», – невольно отметил я про себя, а вслух поинтересовался:

– Хельги – это он? – И указал на труп несчастного. – Кто он вам? Муж или друг? И кто напал на вас?

Каким-то образом она поняла меня, хотя я сам мог говорить только по-русски. У меня появилась паранормальная способность не только понимать незнакомый язык, но и говорить на нем? Вот именно в этот момент я впервые понял, что со мной и вокруг меня что-то не так. Что я оказался в каком-то другом мире…

– Хельги – сын князя Рогвольда, – ответила девушка. – А я – Любава, служанка княжны Рогнеды.

Воцарилось молчание, пауза зависла. Услышанное повергло меня в некоторый шок.

– Да? – нерешительно промямлил я. – Вот оно что. Значит, сын князя Рогвольда и служанка княжны Рогнеды… М-м-м… Удивительное дело!

А что бы вы сказали в ту минуту на моем месте? Просто мне стало совершенно ясно, что, когда мы придем в поселок, участковым дело не ограничится. Придется нам с Петей везти несчастную в Полоцк, в психиатрическую больницу.

Собственно, а что тут удивительного? Медицина знает массу случаев кратковременного помешательства на почве страха. А уж девушка его натерпелась по полной программе: привязали ее реально, и убитый мною медведь был вполне конкретным. Отчего же неподготовленному человеку не рехнуться от таких ужасов?

– А напал на вас кто? – спросил я уж на всякий случай, ожидая услышать что-нибудь об инопланетянах или, на худой конец, об агентах ЦРУ. Надо же было выяснить характер бреда…

– Это они, – с отвращением прошептала Любава, и светло-серые глаза подернулись пеленой презрения. – Это люди конунга Вольдемара. Князь отослал нас с княжной и с Хельги подальше от города, когда войско приблизилось, но нас все равно схватили. Схватили и привязали тут: знали, что медведь придет. Как он рвал Хельги!

От нахлынувшего жуткого воспоминания и, вероятно, от общего стресса девушка громко зарыдала.

«Пусть поплачет, – решил я. – Может быть, так скорее пройдет шок, и разум к ней вернется».

Сказав несколько успокоительных слов, я не удержался и погладил девушку по золотым волосам. Может быть, окажись спасенная мною не такой красивой, а покорявее, я удержался бы от этой ласки. Но обстоятельства нашего знакомства вкупе с красотой Любавы произвели должное впечатление: никогда прежде я даже не мечтал о столь романтической встрече…

Поднявшись на ноги, я приблизился к растерзанному медведем трупу, который оказался совсем голым, даже без остатков одежды. Странно, что злодеи не оставили на несчастном даже трусов, этого обычно не берут.

Ощущение необычности происходящего не покидало меня, а напротив – усиливалось. Нужно было сесть и спокойно подумать, разобраться во всем, начиная с появившихся у меня паранормальных способностей и заканчивая выяснением личности девушки. Какое странное у нее имя – Любава. Впрочем, это еще ничего по сравнению с именем спутника – Хельги. Откуда появился Хельги в полоцких лесах? Интуристы тут отродясь не бродили…

Но сесть и подумать я не мог: события развивались слишком быстро и непредсказуемо.

Любава перестала рыдать и сидела молча, уставившись перед собой полными слез прекрасными глазами.

Я позвал ее по имени, и она сразу посмотрела на меня. Хорошо, значит, это, скорее всего, ее настоящее имя.

– А кто такой этот конунг Вольдемар? – быстро спросил я, надеясь, что моя новая знакомая уже пришла в себя.

– Вольдемар… – Она помолчала, с ненавистью произнеся это слово. – Ты что, не знаешь? Этого окаянного убийцу! Ты правда не знаешь? Он собрал войско и идет на Киев, чтобы отобрать власть у своего родного брата.

Я помолчал, размышляя, какой задать следующий вопрос. Не хотелось волновать девушку в ее теперешнем состоянии.

– А кто правит сейчас в Киеве? – осторожно спросил я наконец. Накануне вечером я от нечего делать слушал «Эхо Москвы», где как раз подробно разговаривали о киевских делах – склоках между президентом и парламентом Украины.

Услышав вопрос, девушка посмотрела на меня, как на сумасшедшего.

– Как кто? – удивилась она. – Князь киевский Ярополк. Законный сын Святослава, а не приблудный гаденыш, как Вольдемар.

Впервые Любава посмотрела на меня внимательно. Моя неосведомленность об очевидных вещах поразила ее. Мы одновременно покачали головами, ведь у каждого были основания для недоумения.

Как всякий нормальный мальчик, я в детстве увлекался историей, да и потом время от времени любил почитать что-нибудь историческое. Поэтому некоторые из произносимых Любавой имен были мне более или менее знакомы. Например, я помнил, что некий Ярополк и вправду правил когда-то Киевской Русью.

Вообще мне все это не понравилось. Бред девушки был не только упорным, но и довольно систематическим. Она строго держалась древнерусской канвы и не путалась в этом, что само по себе плохой признак при диагностике психического нарушения. Сложный систематизированный бред – скорее признак шизофрении, чем кратковременного шокового помешательства. Печально, такая молодая и красивая…

– Откуда ты пришел? – вдруг спросила Любава, рассматривая меня с ног до головы. – Ты ведь нездешний. Ничего не знаешь о том, что известно каждому…

– Я-то? Из Москвы, – сказал я с улыбкой, уже заранее предчувствуя реакцию на эти слова. И не ошибся.

– Из Москвы? – проговорила девушка удивленно. – А где это? В мадьярской земле или еще дальше?

Ладно, надо было прекращать этот бессмысленный разговор. Пора уже заняться конкретными делами: идти в поселок, звонить в милицию, вызывать местную «Скорую»…

– Пойдем, – решительно произнес я, вскидывая ружье на плечо. – Нечего тут долго сидеть. Твоему Хельги уже все равно не поможешь. А запах крови может привлечь других медведей. Вставай и идем.

* * *

Шли мы не слишком долго. Против моих ожиданий, Любава не спорила, а встала и послушно двинулась за мной. Выглядела она, правда, как сомнамбула, и казалось, ей все равно, куда идти и что теперь делать. Правда, в этом я ошибся.

– Ты не туда идешь, – негромко произнесла она, стоило мне избрать направление, которое, как мне казалось, ведет в сторону поселка. – Там дальше речка, а потом еще немного и будет болото. Куда ты хочешь пойти?

– В поселок, – пожал я плечами, вспоминая название. – В Гореличи. А ты куда думала?

Девушка чуть задумалась и повертела это слово на языке.

– Гореличи, – повторила она и встряхнула рассыпавшимися по спине длинными волосами. – Ну да, теперь там действительно, наверное, все сгорело. Чувствуешь запах гари?

Я потянул носом. К моему недоумению, и вправду ощутил довольно сильный запах дыма. Странно, неужели горит поселок? Но если это так и мы находимся от него близко, то отчего же не слышно пожарных сирен? Хоть и порядочная дыра эти Гореличи, но пожарные машины там есть.

– Вольдемар должен был так поступить, – заметила Любава довольно спокойно. – Мы все надеялись, что просто пройдет стороной, не найдет нас, а он нашел. А раз уж нашел, то не мог, конечно, оставить в живых Хильдегард. – Она пристально взглянула на меня: – Ты хочешь туда идти?

– Куда – туда?

Казалось, мы с Любавой все больше не понимаем друг друга…

– Туда. – Она махнула рукой. – Там сейчас пепелище. Все наверняка сожжено, и люди Вольдемара празднуют победу. Убийцы!

Я вздохнул и сказал примирительно:

– Давай все-таки пойдем. Если что, я сумею тебя защитить. От медведя спас и от людей этого Вольдемара тоже спасу. Договорились? Идем?

Я взял ее за руку и внезапно почувствовал, как Любава крепко обхватила мою ладонь своей…

Из леса мы вышли довольно быстро. Поляна, на которой столь романтично состоялось наше знакомство, оказалась почти что на краю леса, и через несколько минут девушка вывела меня в поле, засеянное колосящейся рожью. Ветер, не слышный в лесу, гулял теперь повсюду, вольно, от чего высоко стоящая рожь колыхалась волнами, словно переливающаяся поверхность моря.

Запах гари усиливался, поэтому я ускорил шаг, но Любава не отставала. Может быть, она двигалась даже быстрее меня, легко ступая по краю поля обутыми в лапотки ногами.

Мы держались за руки, и я чувствовал, что это приятно не только мне. Разговоров больше не было; выйдя из леса, мы оба уже стремились к некоей конечной точке. Я – в поселок Гореличи, а Любава – на пепелище, оставшееся от сожженного врагами поместья Хильдегард…

Вот и оно. Мы поднялись на холм, откуда далеко было видно вперед, и остановились разом как вкопанные.

То, что за минуту до того беспокоило меня, смущало и наводило на неясные подозрения, ушло сразу и безвозвратно. Мой мир рухнул в одно мгновение, и к моей чести, я сразу это осознал.

Слава богу, у меня есть логическое мышление, я здравый и разумный человек. А значит, готов преклоняться перед фактами, какими бы они ни были.

Факт заключался в том, что с холма я своими глазами видел отнюдь не поселок Гореличи, и вообще не что-то знакомое и привычное, а то, чего не видел и не мог видеть никогда!

Никаких иллюзий у меня не было с самого начала, потому что увиденное мною не было инсценировкой или съемками исторического фильма. Нет, такие вещи

понятны сразу!

Это был настоящий черный дым над сгоревшими деревянными строениями из бревен. Настоящий запах горелого человеческого мяса. И совершенно реальное ощущение ужаса и агрессии от всего этого зрелища. Такое не инсценируешь…

Пепелище с догорающими остатками обуглившихся толстых бревен занимало довольно большую площадь. Все дымилось, а сила жара доносилась даже до холма, на котором мы с Любавой застыли в оцепенении.

Чуть дальше виднелась деревня, то есть хаотичное скопление низких деревянных некрашеных изб, и огромное множество людей, которых отсюда было не разглядеть. Да, видимо, мне и не следовало приближаться к людям до тех пор, пока я наконец не выясню все, что можно, у спасенной мною девушки.

Я взглянул на Любаву, стоявшую рядом, и вдруг подумал о том, как стремительно и радикально переменились теперь наши взаимоотношения. Еще сорок минут назад я спас ее от смерти и пытался успокоить, а теперь, в общем-то, сам оказался в большой зависимости от нее. Ведь я каким-то образом очутился в ее мире, где она знает все, а я – ничего.

Вопрос о том, что произошло и каким именно образом я очутился то ли в глубокой древности, то ли в параллельном мире, волей-неволей откладывался. Сейчас, окончательно поняв это, я растерялся по-настоящему. События развивались, и мне нужно было как можно скорее попытаться адаптироваться к ситуации, какой бы странной она мне сейчас ни казалась.

Кто эти люди, сжегшие поместье? Кто такой конунг Вольдемар? Где я нахожусь?

Вопросов было сотни сразу, и получить ответ на них я мог лишь от Любавы. Если только эта совсем простая девушка сможет на них ответить…

Кроме всего прочего, чувство изумления сменилось чувством реальной опасности. Ведь в этом мире нужно было еще и выжить. А тут могли возникнуть сомнения. На тот момент я стоял на холме, хорошо видимый со всех сторон, а рядом со мной была девушка, совсем недавно отданная на съедение диким хищникам.

«Плохое начало для знакомства с чужим миром, – подумал я тревожно. – Как бы и мне не оказаться вскоре привязанным к дереву в лесу. Или как тут еще принято поступать с незнакомцами? Наверное, есть способы и похлеще. Судя по всему, люди конунга Вольдемара не слишком милы при близком общении…»

– Знаешь, – сказал я, оборачиваясь к Любаве и снова беря ее за руку, – мы уже достаточно увидели. Может быть, не стоит напрасно рисковать. Давай вернемся в лес и там поговорим подробно.

Она снова не спорила со мной, и мы двинулись назад. Кое-что мне уже удалось выяснить. Древний мир это был или параллельный, но женщины здесь слушались мужчин – это точно.

* * *

Промучив Любаву расспросами почти два часа, я смог понять лишь «оперативную обстановку». По моим представлениям, девушка не знала почти ничего.

Какой сейчас год?

Она не знала. Что такое год?

Какой век?

Удивленный взгляд в ответ и явное недоумение.

Как называется эта страна?

Страна? Это земля полочан. Полочане живут здесь издавна. Всегда, наверное. Владеет полочанами князь, который живет в городище Полоцке, его зовут Рогвольд.

Полоцк далеко отсюда?

Один день пути.

А какие народы живут поблизости?

– Другие… – Любава задумалась, а потом нерешительно перечислила: – Кривичи, а с другой стороны – радимичи и дреговичи. А дальше уже поляне, и у них город Киев, где сидит князь Ярополк, законный сын князя Святослава. А конунг Вольдемар его сводный брат, тоже сын Святослава, но не от жены – княгини, а от Малуши, это каждый знает.

– Кто такая Малуша?

– Ключница князя Святослава, – презрительно пожала плечами Любава. – Вроде меня. Я тоже могла бы родить сына князю Рогвольду, но от этого мой сын не стал бы потом полоцким князем. Мало ли у каждого князя женщин, родивших от него детей…

Я посмотрел на Любаву, и вдруг мне стало интересно.

– Ты ведь – ключница Рогвольда? – спросил я. – И ты тоже спишь с ним? Ну, как та Малуша со Святославом?

Задав этот вопрос, я тут же обругал себя.

«Ты дурак, Володя, – сказал я себе. – Ты попал в жуткий переплет, и бог весть, что с тобой теперь будет. А ты интересуешься всякими глупостями!»

Но Любава нисколько не смутилась.

– Рогвольд был старый, – грустно ответила она. – Он не мог спать с женщинами. Теперь Вольдемар убил его.

Это показалось мне любопытным. Приходилось читать о том, что в древности, да и позже, в диких племенах было принято убивать старого вождя, утратившего мужскую силу. Считалось, что раз вождь не может спать с женщинами, то и сражаться уже тоже не способен. А раз так, то он не может быть вождем. А раз не может оставаться вождем, то его надо убить. Чтобы бывший вождь не мозолил глаза новому, полному сил.

Железная логика, между прочим. С точки зрения диких племен, просто безукоризненно логично и высокоморально. Потому что практично и способствует выживанию племени…

– Убил, потому что Рогвольд был старый? – уточнил я, но Любава даже улыбнулась в ответ, удивленная моей непонятливостью. Наверное, она считала меня чудаком…

– У Вольдемара большая сила, – произнесла она как завороженная. – Когда Ярополк стал князем в Киеве, Вольдемар в ярости убежал к своям. Я слышала, что это в холодных краях, за холодным морем. И теперь он идет на Киев, чтобы стать там князем.

Когда Вольдемар бежал из Киева некоторое время назад, Любава была еще девочкой. Но она знала, что полоцкий князь Рогвольд отказал Вольдемару в помощи и даже не пустил на порог своего терема. Так что теперь, когда Вольдемар с большой ратью двигался обратно к Киеву, никто не сомневался – он не пощадит старого Рогвольда, когда-то отказавшего ему в гостеприимстве.

– А почему этот злодей Вольдемар победил? – спросил я. – Пусть Рогвольд старый, но ведь есть и воеводы, например. Или, может быть, сыновья…

При упоминании о сыновьях Любава снова заплакала. Загрызенный медведем Хельги был единственным сыном Рогвольда.

При известии о приближении войска Вольдемара старый полоцкий князь решил спасти хотя бы свою дочь Рогнеду и отправил ее подальше – в поместье к своей сестре Хильдегард. Вместе с Рогнедой отправилась Любава, а Хельги сопровождал их. Три дня назад они втроем приехали к Хильдегард, а вчера Хельги должен был возвращаться к отцу в Полоцк, чтобы вместе с ним оборонять город.

Но войско Вольдемара изменило свой предполагаемый маршрут и позавчера с ходу ворвалось в не успевший подготовиться к обороне Полоцк. Подожгли деревянный частокол вокруг города, а спустя короткое время запылал и княжеский терем Рогвольда, на пороге которого лежал убитым и сам престарелый хозяин.

– Мы узнали об этом вчера, – плача, рассказала Любава. – Прискакал человек и рассказал о том, что все кончено с Полоцком и с князем. Хозяйка Хильдегард и княжна Рогнеда собрались бежать в Киев, под защиту князя Ярополка, и мы даже стали укладывать вещи. Собирались выехать сегодня утром, но не успели – ночью войско Вольдемара окружило поместье и, дождавшись рассвета, подожгло его со всех сторон. А сама Любава вместе с Хельги оказалась схваченной врагами еще раньше – в поле, неподалеку от усадьбы.

В этом месте Любава замялась и умолкла.

– Послушай, – попробовал я уточнить хронику событий, показавшуюся мне неполной. – Я что-то не понял… А почему вы с Хельги на рассвете пошли вдвоем гулять в поле? Вроде бы не время и не место.

У меня было подозрение на этот счет, но простота и откровенность ответа девушки заставили меня устыдиться своего лукавства.

– Мы любились, – сказала она, не моргнув глазом, и так спокойно, словно сообщала о самых невинных вещах. – В доме было слишком много людей… Вот мы и ушли в поле на всю ночь. И мы любились. В последний раз! – простонала она, вновь вспомнив о своем горе, и опять разразилась рыданиями.

Так вот оно что! Теперь я уже начал что-то понимать. Старый князь Рогвольд не заинтересовался очаровательной ключницей, и тогда это сделал его сын. Ну что ж, ничего удивительного, учитывая красоту Любавы.

Вот только отчего же она так открыто об этом говорит? Или здесь так принято? И вообще, вопрос о том, куда я попал непонятно как, все еще оставался открытым.

– Послушай, – начал я приставать снова. – Скажи, пожалуйста, а почему у вас такие странные имена? Рогвольд, Хельги, Хильдегард… Вот у тебя русское имя – Любава. А они все кто, немцы, что ли?

Слово «немцы» девушка не поняла. Она покачала головой и, посмотрев на меня, как на сумасшедшего или душевнобольного, ответила:

– Меня зовут Любава, и это совсем не русское имя. Я не из русов, а из полочан. И у других такие же имена – у кривичей, радимичей, дреговичей… А князь Рогвольд и вся его родня, вот они как раз русы. У них русские имена.

Час от часу не легче…

Теперь, по крайней мере, что-то стало складываться у меня в мозгу. В мире, куда я угодил, племена живут как бы чересполосно. Славяне вперемешку с русами, которые совсем не славяне, а, судя по именам, принадлежат к какому-то германскому племени.

Более того, здесь, скорее всего, никто не делает разницы между одними и другими. Я попал в мир, где идеи национализма попросту еще не родились, не созрели. Из двух сыновей Святослава один называет себя славянским именем Ярополк, а другой именует себя Вольдемаром – явно германское имя. Но никто тут, похоже, не интересуется этим.

Впрочем, с этим предстояло еще разобраться.

Очень хотелось есть. Взглянув на часы, я в очередной раз понял, что многое из привычного стало теперь ненужным. Часы-то у меня работают, но с чем их сверять? Сейчас у меня на руке они добросовестно показывали половину второго. Но это, скорее всего, то время, которое осталось в мире, откуда я неведомым образом провалился. А здесь который час?

Между тем появилась масса совершенно конкретных проблем, требовавших немедленного решения. В моей охотничьей сумке лежало два бутерброда с сыром и с вареной колбасой, положенные заботливой Любой – женой Петра, провожавшей меня на рассвете из дома. Это очень мило, а что дальше?

Поговорив с Любавой еще некоторое время, я понял, что идти особенно некуда. В сожженном Полоцке делать нечего. Кругом непроходимые леса, а единственная дорога, ведущая до Киева, – это та, по которой движется войско окаянного Вольдемара.

Порывшись в сумке, я взял себе один бутерброд, а второй отдал девушке. В руки она взяла его с большим недоверием, а затем пристально рассматривала со всех сторон. Очевидно было, что сыра и колбасы она никогда не видела. Да и сама

идея хлеба, проложенного чем-то еще, показалась ей странной. Рассмотрев предложенную ей диковинку, Любава убедилась в том, что сам я ем это, откусила тоже.

Вкус показался ей отвратительным, это тут же отразилось на ее лице: девушка не смогла сдержать гримасы. Видимо, все дело было в вареной колбасе – слишком уж это продукт двадцатого века.

– Что это? – с отвращением поинтересовалась она, вынимая изо рта надкушенный кусок колбасы. Ей даже не был понятен вкус этого искусственного продукта – плода цивилизации двадцатого века.

Я лишь вздохнул в ответ и пожал плечами. Ладно, проехали. Не стану же я сейчас объяснять про состав мелко перемолотого фарша, добавления крахмала и прочего. Да и про одобренные Евросоюзом пищевые добавки ей вряд ли будет интересно.

– Нам придется присоединиться к войску Вольдемара, – сообщил я свое спонтанно принятое решение, стараясь говорить рассудительно. – Мы же не можем идти вдвоем. Другой дороги все равно нет, а идти по лесу мы не сможем. Собьемся с пути и заблудимся, да еще эти медведи…

При упоминании о медведях девушка вздрогнула и прошептала отрешенно:

– Еще волки…

Ах да, я совсем забыл. Как это я не подумал о волках? Надо полагать, тут водятся и волки тоже. Вообще говоря, отличные места: непролазные чащобы на десятки верст, медведи и волки. А с другой стороны, некий конунг, люди которого норовят при первой возможности привязать кого-нибудь к дереву и бросить в лесу. А для развлечения сжечь что-нибудь и разграбить. В хорошенький мир я попал!

Решение присоединиться к войску возникло у меня само собой: я попросту не видел иного выхода. Особенного страха не было. Еще не успев осмыслить все произошедшее со мной, я задним умом все же понимал, что если кто-то или что-то перенесло меня сюда, в этот неведомый мир, то сделано это не напрасно. Кто-то или что-то имело цель забросить меня сюда. Вряд ли оно сделало это

лишь для того, чтобы я был бездарно убит в первый же день пребывания тут.

Оставался еще один вариант. Можно было забиться подальше в глухой лес, устроить себе там землянку или какой-нибудь иной схрон и тихо сидеть там, «ожидая у моря погоды», в надежде, что как-нибудь все переменится или образуется. Но такое поведение показалось мне совсем уж глупым. Оказавшись здесь, следовало как-то действовать.

Вспомнилась старая детская притча о лягушке, которая упала в жбан с молоком. Если бы она сидела там смирно, то погибла бы. Но отважная лягушка стала бить лапками, взбила молоко в масло и таким образом спаслась.

Вот я и решил бить лапками…

* * *

Я шел по лагерю конунга Вольдемара, крепко держа за руку Любаву. Нам обоим было не по себе, я чувствовал, как девушка дрожит всем телом. Сам же я вел себя настороженно, но во мне появилась какая-то бесшабашность, была не была. После таинственного переноса во времени, а может быть, и в реальности, я ощущал себя по-новому.

Что уж тут трястись и бояться, если возможно такое!

Назвать это лагерем было нельзя, никто не собирался задерживаться возле спаленной усадьбы надолго. Число воинов я определил человек в двести пятьдесят, и большая часть из них были пешими. Коней вообще было немного, и часть из них запряжена в волокуши – розвальни на широких полозьях. Передняя часть волокуши была чуть приподнята, а задняя волочилась по земле.

Что же касается людей…

Люди не слишком-то обращали на нас внимание, потому что беспрерывно суетились, навьючивая награбленные в усадьбе вещи на лошадей или укладывая их в волокуши. Видимо, усадьба Хильдегард была богатой, потому что из криво, наспех связанных тюков то и дело поблескивали золотые изделия.

Но это были настоящие воины: в металлических или кожаных шлемах со свисающими наушниками или с шишаками наверху, одиночными или сдвоенными. По таким шлемам обычно узнают скандинавских воинов. Некоторые были и без шлемов, в матерчатых колпаках, но почти у каждого была кольчуга, на мелких сплетенных кольцах которой изредка блестели лучи солнца.

Хорошо, что незадолго до того я отрастил бородку: так мое отличие меньше бросалось в глаза. Все вокруг меня были бородаты. Конечно, моя короткая бороденка московского интеллигента не шла ни в какое сравнение с самыми разнообразными и экзотически выглядящими бородами окружающих.

Во всем остальном же я, если специально не приглядываться, мало отличался по внешнему виду от здешних молодцов – очень уж пестро и разнообразно все были тут одеты. Короткие куртки со штанами или длинные зипуны с глубоким запахом, а некоторые в длинных холщовых рубахах и меховых поддевках, поверх которых была натянута кольчуга.

Говор вокруг стоял разный. С одной стороны я слышал речь, подобную то ли шведскому, то ли немецкому языку, с другой – раскатистые «р-р-р» и мягкие «л» угро-финнов, но больше всего говорили на славянском наречии, которого я, конечно, никогда не понял бы, если бы не таинственно приобретенная мною параспособность. Кстати, именно эта параспособность и придавала мне смелости действовать и не слишком бояться окружающего мира. Тот, кто дал мне эту способность, сделал это не случайно, а значит, может быть, позаботится и обо всем остальном.

Повсюду стоял очень тяжелый запах, от него было трудно дышать. Он шел из середины лагеря, где горел громадный костер, языки пламени из которого возвышались над головами людей, словно пытались лизнуть низко нависшее небо.

Внезапно я резко остановился. Прямо передо мной на земле лежало несколько человек. Все они были ранены и, насколько можно судить, очень тяжело. Повязок я не увидел, а то, что увидел, ужаснуло меня.

О грозности оружия можно судить по ранам, которые оно наносит. Здешние разрубы, сделанные тяжелыми мечами, оказались устрашающими. Люди передо мной истекали кровью, которая текла обильно, никем не останавливаемая и

успела основательно пропитать землю. Стоял тяжелый удушливый запах, о котором пишут в воспоминаниях врачи, работавшие в прифронтовых госпиталях…

Раненых было шесть человек. Они лежали молча, и хотя все были еще живы, успели сильно ослабеть от потери крови. Вспоротые животы, развороченные грудные клетки с торчащими наружу острыми обломками ребер.

Мне всю жизнь приходилось слышать о том, что войны двадцатого века наиболее беспощадны. Ну, может быть, в смысле массовости поражения мирного населения. Но сейчас, стоя перед этими ранеными воинами, я воочию увидел, что способно сделать с человеческим телом холодное оружие в виде меча или копья.

Отпустив руку Любавы, я шагнул вперед. За годы медицинской практики на «Скорой» у меня сложился стереотип поведения: увидев больного или раненого, не стоять, а немедленно попытаться что-то сделать. Говорят, что это специфическая черта врача со «Скорой» – он мало думает, а хочет все время действовать. Думаю, это правда. Практика приучила меня к тому, что врач должен делать все сразу и решительно, иначе будет поздно. Пусть даже твои действия будут неправильными: по крайней мере, в тот момент ты не стоял, разинув рот, а делал то, что считал нужным.

Сам не знаю, что я собирался делать в ту минуту. Никаких инструментов у меня с собой не было, медикаментов – тоже. Вероятно, мой шаг по направлению к раненым воинам был чисто инстинктивным.

Но сделать я ничего не успел. Как только я опустился на колени рядом с лежавшим с краю молодым воином, у которого из разрубленного живота выпали внутренности, так тотчас же меня оттолкнули. До того молча стоявшие вокруг воины задвигались, и некто, протиснувшийся сквозь них, грубо схватил меня за плечо и буквально отшвырнул в сторону.

Мужчина был огромного роста, в кожаном шлеме с двумя выступающими металлическими шишаками, в кольчуге, из-под которой торчала сначала поддевка на беличьем меху, а снизу – длинная красного цвета рубаха.

Видно было, что его ждали, – стоявшие вокруг люди расступились, и даже раненые подали голос, застонали.

– Вяргис, – послышались голоса. – Вяргис пришел. Пора расходиться.

Громадный воин, чье имя было Вяргис, отшвырнул меня, не обратив на это никакого внимания. Теперь он повернулся к остальным. Лицо его было грубым, с крупными чертами и угреватой кожей, почти до самых глаз покрытой нерасчесанной бородой. От носа к подбородку шел короткий рубец багрового цвета – след какой-то прошлой битвы.

– Расходитесь, – сказал он властно. – Пора двигаться дальше. Струги ждут, и путь неблизкий. Давайте, идите.

Он явно хотел, чтобы все разошлись, оставив его наедине с ранеными. Впрочем, дожидаться, пока люди исполнят его просьбу-повеление, он не стал, а тотчас же обернулся к лежащим на земле и вытащил из-за пояса длинный меч.

– Не печальтесь о своих домах, – сказал он, обращаясь к своим поверженным товарищам, глядевшим на него во все глаза то ли умоляюще, то ли выжидательно. – Не печальтесь о женах и юных девах, которых оставляете здесь навсегда. Вас ждет веселье и ждут пиры с другими, лучшими девами, и горячие напитки, и много пищи. В доме Перунаса припасено всего вдоволь для воинов, которые храбро сражались.

Раненые молчали, а у меня от предчувствия сжалось сердце. Конечно, я прекрасно понимал, что присутствую при обычной для этого мира, рутинной процедуре, к которой все привыкли, но мне от сознания этого не было легче смотреть на происходящее. У меня, врача, на глазах собирались убить раненых людей!

Вяргис сказал свою короткую речь и поднял меч, держась за рукоятку двумя руками.

– Солимень, – сказал он, обращаясь к одному из раненых – самому молодому, на вид лет пятнадцати. – Ты будешь первым, кто сейчас войдет в дом Перунаса. А за ним будешь ты, Нурм. Вы же были друзьями всегда, с самого детства. Вот и теперь вместе войдете.

Меч дважды взлетел кверху и дважды опустился. Вяргис бил сверху вниз, пронзая обреченным аорту, чтобы смерть наступила почти мгновенно.

«Вполне гуманно, – подумал я, содрогаясь. – В наши дни это называется эвтаназия – избавление от мучений».

Без всяких объяснений мне было ясно, свидетелем чего я стал. Тяжелые раны лечить все равно не умели. Тяжело раненные были все равно обречены на мучительную смерть. А войско должно двигаться налегке, некогда и некому таскать за собой полумертвых умирающих людей.

Оставить раненых на месте тоже невозможно. Даже если их не прирежут разъяренные местные жители, то несчастные станут жертвой диких зверей.

Увиденное не возмущало меня, а скорее смущало. По моему мнению, врач не может безучастно смотреть на страдания и смерть. А если может – он хоть и не преступник, но не вполне врач. А впрочем, я – человек двадцать первого века…

Только один из убиваемых перед ударом меча заговорил.

– Вяргис, – обратился он к нависшему над ним старшему товарищу, уже занесшему меч. – Вяргис, позаботься о Лишме. Она совсем маленькая и наверняка пропадет без помощи. Или воины могут ее обидеть в походе…

– Никто не притронется к Лишме, – ответил богатырь, поднимая меч и нацеливая его так, чтобы он упал острием на аорту несчастного. – Я клянусь тебе, что позабочусь о ней.

Когда со всеми было покончено, я сумел наконец оторвать свой взгляд от этого зрелища и обернулся. Любава продолжала стоять рядом со мной, никуда не делась, и я понял, что это надолго. А как бы мне хотелось? Ведь волею случая я остался ее единственным защитником среди всех этих людей.

Трупы добитых воинов подняли на руки и куда-то потащили. Невольно и я последовал туда же, после чего с содроганием понял, отчего по лагерю стелется такой ужасный запах.

Толстые бревна были сложены домовиной, крест-накрест, правильным четырехугольником. В центре этого пространства бушевало пламя, куда регулярно подбрасывались ветки деревьев, сучья. А сверху лежали человеческие тела.

Здесь, в этом огромном костре, люди сжигали трупы своих убитых товарищей. Воины брали тела и кидали их в ревущее пламя.

Для неподготовленного человека – довольно страшное зрелище. Ведь это костер, а не крематорий, где все происходит в закрытых камерах. Мертвые тела в огне ведут себя по-разному: они могут шевелиться, поднимать руки или ноги – результат сокращения мышц под воздействием высокой температуры. И все это происходит на глазах у толпы живых людей, стоящих вокруг.

Зато почти сразу мне довелось увидеть самого конунга Вольдемара. Он ехал на коне, готовясь встать во главе своих воинов. На крупной лошади сидел молодой мужчина примерно моего возраста, заросший бородой по самые глаза. Зато уж глаза у него не подкачали – они были бешеными и совершенно безумными. Лошадь под ним прядала ушами и тревожно поддавала задом, слегка взбрыкивая. Одет он был в красный плащ, наброшенный на плечи и заколотый у шеи золотой застежкой. На голове высился металлический шлем из пластин, скрепленных наверху, и подвязанный под подбородком кожаным ремешком.

Я не успел даже испугаться, когда этот зловещий всадник внезапно остановился передо мной. Морда лошади оказалась рядом с моим лицом, можно было слышать ее тяжелое дыхание.

– Кто ты? – резко спросил Вольдемар, нервно подергивая поводья и уставясь в меня своим немигающим взглядом:

– Что ты за человек? Ты человек Хильдегард?

– Нет, – ответил я, стараясь унять возникшую дрожь в ногах и придать своему голосу уверенность. – Я пришел издалека и никогда не видел ни Хильдегард, ни Рогвольда. И вообще никого здесь не знаю. Дело в том, что я лекарь. Лечу людей – больных и раненых.

– Из какой ты земли? – подозрительно глядя мне в глаза, поинтересовался Вольдемар, а затем взглянул через мое плечо. – А кто эта девушка с тобой? Она тоже лечит людей?

Я понял, что Любава не испугалась и продолжает стоять за моей спиной. Что ж, такая смелость делает ей честь. Впрочем, не было времени об этом подумать.

Итак, вот первый серьезный вопрос, заданный мне в этом мире серьезным человеком. А в том, что Вольдемар – серьезный мужчина, у меня не было оснований сомневаться…

Откуда я? Хм, из Москвы. Из России. Эти ответы категорически не годились. Тут нет Москвы, и никто еще не понимает слова «Россия».

Кстати, а какой это век? Об этом я еще не успел подумать. Если признать, что это – не параллельный мир, а Древняя Русь, что похоже, то не позже десятого. Разговоры о Перунасе – Перуне наводили именно на это.

Что ж, попробуем ответить обтекаемо, а заодно эмпирическим путем попробуем определить границы этого мира.

– Я из латинской земли, – ответил я, как можно спокойнее, и умолк. Вот сейчас будет момент истины. А есть ли в этом мире латинская земля? Если есть – один разговор, а если нет… Если нет, то уж не знаю тогда, какой разговор и вообще как себя вести. Значит, это – параллельный мир, в котором вообще все непредсказуемо и у любого могут вдруг вырасти крылья за спиной или пойти пламя изо рта…

– Из латинской земли? – озадаченно повторил мои слова Вольдемар. – Оттуда очень далеко плыть на корабле. Как ты добрался сюда, и главное – зачем? Что тебе нужно в наших землях?

Ага, вот это уже разговор! Все больше данных было за то, что я попал в наш мир, только древний. Ладно, с веком уж потом разберусь, на досуге.

– Лечить людей, – сказал я твердо. – Я хорошо умею это делать, князь. Все люди болеют, и я умею облегчить их страдания. Разве твоим людям не нужен лекарь?

Небесно-голубые глаза конунга Вольдемара сверкнули, и он громко захохотал.

– Что ты говоришь, лекарь! – воскликнул он презрительно. – Сильные воины не болеют никогда, они погибают в бою. А слабые болеют и умирают, и никто не может им помочь.

Я промолчал, но мне это не помогло.

– Ты сказал, что болеют все, – продолжил Вольдемар, и его голос стал совсем подозрительным и даже угрожающим. – Ты хочешь сказать, что и я могу заболеть?

Он чуть двинул коня вперед, и крупные зубы кобылы оказались совсем вплотную к моему лицу. Еще сильнее пахнуло конским потом, я попробовал отступить на шаг назад, но у меня ничего не вышло – толпящиеся и слушающие наш разговор воины стояли за моей спиной плотно.

– Послушай, – раздался голос князя, – если я заболею, то, значит, это ты навел на меня порчу. Я сварю тебя в котле живого. Ты понял меня, волхв?

– Я не умею наводить порчу, – пробормотал я, чувствуя, что втягиваюсь в сумасшедший разговор с сумасшедшим человеком. Почему он принимает меня за волхва? Что за чепуха!

Но тут ко мне пришло неожиданное спасение.

– Он не волхв, князь! – раздался визгливый голос, и из окружавшей толпы вылез человек в очень странной одежде. На нем был длинный до пят балахон, сверху какая-то кацавейка без воротника, а на голове – высокая остроконечная меховая шапка с бронзовыми бубенчиками, пришитыми по краям. Вид у этого человека был весьма глупый, но это мне так показалось: окружающие явно относились к нему совершенно серьезно.

– Он не из наших, – продолжал человек, тыча в меня пальцем. – Наверное, он – костоправ. В латинской земле встречаются костоправы. Они ничего не знают ни о прошедшем, ни о будущем, ничего не могут предсказать. Совсем ничего, князь!

Передо мной был волхв, испугавшийся, что мое появление каким-то образом помешает ему. Конкуренции боятся все…

«Ну и рожа, – невольно отметил я про себя, взглянув на физиономию волхва, – совсем еще не старого человека. Бледная нездоровая кожа, покрытая угрями, немытые слипшиеся патлы льняного цвета, падающие из-под дурацкого колпака, и абсолютно беззубый шамкающий рот!»

Ситуация могла повернуться, как угодно в ту минуту. Пожалуй, я даже испытал страх, но некогда было подумать об этом. Голубые глаза конунга, с которыми я постоянно сталкивался взглядом, явственно говорили о его невменяемости. Этот молодой человек, казалось, в каждую минуту мог принять какое-нибудь безумное решение, а затем с точно такой же стремительностью поменять его на противоположное…

И это спасло меня. Внезапно настроение Вольдемара изменилось, он что-то вспомнил, и на лице его промелькнула торжествующая и в то же время лукавая улыбка.

– Ты можешь помогать в болезнях, – сказал он, обращаясь ко мне и не слушая больше волхва, продолжавшего что-то выкрикивать. – Ведь так ты говорил, лекарь из латинской земли? Тогда помоги моему брату, исцели его. Ну же!

Он дергал поводья лошади и нетерпеливо глядел на меня.

Я все понял: мне предлагалось испытание. Что ж, это по-своему правильно. Увидев странного незнакомца, не следует доверять каждому его слову. Нужно проверить, правду ли он говорит. Логичный поступок.

– Если твой брат болен, князь, – спокойно произнес я, стараясь, чтобы голос мой не дрожал так предательски от волнения, – то я должен осмотреть его. Наверное, я смогу помочь ему, облегчить страдания.

На самом деле, как врач, я отлично понимаю, что хоть как-то помочь больному возможно далеко не всегда. А уж в моем тогдашнем положении, без инструментов и лекарств тем более. Но что мне оставалось делать в ту минуту, как не хвататься за единственную соломинку, оставшуюся утопающему?

Мальчика я увидел через пару минут – столько потребовалось на то, чтобы приближенные дружинники князя протащили меня в хвост выстраивавшейся воинской колонны. На волокуше, покрытой для мягкости плотной тканью, свернутой вчетверо, лежал раненый – почти совсем еще ребенок, лет четырнадцати на вид.

Лицо мальчика было мертвенно-бледным, а губы – синими. Сверху он был накрыт тулупом, и даже под ним было видно, что его сотрясает дрожь.

Князь подъехал сзади и, остановив лошадь, свесился вниз.

– Если спасешь Всеслава, – негромко произнес он, указывая глазами на мальчика, – ты будешь жить. А если нет, если Всеслав, мой брат, умрет, то ты помнишь, что я сделаю с тобой. Помнишь, лекарь?

– Сваришь меня в котле, – так же тихо ответил я. – А что с ним случилось?

– Ты должен сам знать, – угрожающе прищурился Вольдемар. – Если ты целитель, то сам знаешь все. Волхвы никогда ни о чем не спрашивают, они сами все знают.

– Я же не волхв, тебе уже сказали, – пробормотал я, поняв, что остался один на один со своей проблемой. – Мне нужно осмотреть твоего брата, князь. Прикажи твоим людям не толпиться вокруг и не мешать.

Через минуту княжеские дружинники оттеснили воинов в сторону, да те, казалось, уже утратили интерес к происходящему.

– Теперь тебе никто не мешает, – сказал Вольдемар. – Покажи свое искусство. Давай посмотрим, подойдут ли твои латинские заклинания моему брату.

Он снова улыбнулся, и его голубые глаза демонически сверкнули.

Я опустился на колени перед волокушей и откинул тулуп. Да, тут имелась проблема, что и говорить.

Всеслав был без сознания. Глаза полуприкрыты, зрачок неподвижен. Дыхание частое, поверхностное, пульс прерывистый, нитевидный. Подержав мальчика за запястье, я отпустил его руку, и она безвольно упала. М-да…

Дрожал он от потери крови, это я понял с самого начала. А крови было потеряно немало, хоть и не критическое количество. Живот был вспорот справа налево. Вероятно, мечом и, вероятно, одним размашистым движением.

– Он умирает, – послышался голос Любавы прямо за моим ухом, и я вспомнил о девушке, которая по-прежнему была со мной. Лицо ее было серьезно, а глаза бесстрашно устремлены на рану мальчика.

– Разрезанный живот – это смерть, – пояснила Любава. – В доме князя Рогвольда моя мать занималась ведовством и лечила людей. Она была большая искусница, но даже она ничего не могла сделать в таком вот случае.

– А ты помогала своей маме лечить людей? – поинтересовался я.

Девушка кивнула и промолчала, но по ее вспыхнувшему лицу можно было догадаться, что эта тема ее волнует. Кто знает, может быть, ее мать была действительно умелой знахаркой и дочь гордилась этим…

– Ну, тогда вот что, коллега, – сказал я, – мне нужна чистая вода, открытый огонь и нитка с иголкой. Пойди и скажи об этом князю.

Любава поднялась на ноги и метнулась к не успевшему еще отъехать далеко Вольдемару. Я видел, как она ухватилась за край попоны, которой была накрыта лошадь, и принялась что-то говорить. Сам я тем временем принялся осматривать рану. К счастью, она не была глубокой – меч лишь прошелся по низу живота, вспоров его, и сильно повредил толстый кишечник, перерубив его в нескольких местах.

Скажу сразу, что операций я до того не делал никогда – не мое это дело. Столкнувшись с подобной ситуацией на «Скорой», я ни в коем случае не стал бы делать ничего, а попросту довез бы раненого до хирургического отделения больницы.

Но в той ситуации нужно было действовать самому. Нож у меня был, и следовало поторопиться, пока мальчик не пришел в себя. Если я хочу удалить поврежденную часть толстого кишечника, затем сшить оставшееся и зашить рану, то нужно спешить – очнувшись, мальчик во время такой вот операции умрет от болевого шока. Ведь у меня не было под рукой ничего из того, что необходимо иметь при любом хирургическом вмешательстве.

Я не говорю даже о каком-либо наркозе. Нет, мне нечем было вымыть руки, успевшие загрязниться за целый день. Проводить операцию немытыми руками – за такое меня бы четвертовали прославленные хирурги, на чьих учебниках, на чьем многовековом опыте я учился. Успокаивало лишь то, что в тот момент, когда я приступил к операции, все эти выдающиеся хирурги еще не успели родиться…

Через несколько минут стало ясно, что конунг Вольдемар все же не окончательно безумный человек, потому что хоть в каком-то виде он был способен воспринимать информацию. За плечами у меня появилась Любава, а рядом с ней уже знакомый мне воин Вяргис, которые принесли все то, что мне требовалось. По крайней мере, как они это поняли.

В деревянной бадейке плескалась чистая вода, имелся зажженный факел, а Любава протягивала мне громадную иглу, в ушко которой была протянута грубая толстая нитка. Ни на что иное я не мог рассчитывать.

Вообще говоря, в любой иной, я имею в виду – нормальной обстановке я отказался бы делать операцию. Любую операцию, а не то что такую сравнительно сложную, к которой был вовсе не подготовлен, как врач. Но в тот безумный первый день, проведенный мною в чужом мире, я был как во сне и действовал необдуманно и спонтанно. А иного выхода все равно не было.

Чистую воду я использовал как единственно доступный антисептик, а свой охотничий нож прокалил над огнем факела, протянутого мне Вяргисом. Потом вздохнул и приступил…

Ход операции описывать не стану. Хорошо еще, что мальчик не очнулся и не заорал на весь лагерь от боли. Хорошо также, что никто не схватил меня за руку и не помешал довести дело до конца. А помешать могли – тот же волхв с бубенчиками на шапке, который то и дело слонялся поблизости, ревниво

вглядываясь в мои действия. Даже Вяргис – угрюмый палач собственных раненых товарищей молчал и только изредка скалил длинные желтые зубы.

Когда я принялся иссекать часть толстого кишечника, Любава, наблюдавшая за мной, охнула.

– Ты собираешься резать его ножом? – только спросила она. – Но так не делают.

– Делают, – стиснув зубы, пробормотал я. – Точнее, так делают в моем мире. Ничего особенного, только жаль, что нет никаких инструментов.

Я чуть было не добавил от отчаяния, что, кроме инструментов, у меня нет и никакого соответствующего опыта. Конечно, я когда-то проходил анатомию и даже хирургию, но вы же сами понимаете…

Самое долгое в операции – это зашивать шов. Рутинное дело, но и к нему нужна сноровка. К тому же у меня здорово тряслись руки, и если, сшивая толстый кишечник, я еще держался, то вскоре почувствовал, что вряд ли способен еще на что-то.

– Ты умеешь шить? – не оборачиваясь, спросил я, и Любава тотчас ответила – да, она умеет.

– Вот и прекрасно. Бери нитку с иголкой и сшивай ему живот, – сказал я. – Как начато, так и продолжай. Дело нехитрое. Сможешь?

Сказав это, я передал иглу девушке и, с трудом разминая затекшие ноги, встал. Сполоснул окровавленные руки в бадейке с остатками воды, которой я до этого промывал внутренности своего пациента. Потом прошелся: два шага в одну сторону, два шага в другую. Вяргис с догорающим факелом в руке пристально наблюдал за мной. Подъехал конунг, с интересом взглянул на распростертого мальчика и склонившуюся над ним Любаву. Потом перевел взгляд на меня.

– Ты исцелил его? – кивнул он в сторону Всеслава. – Я этого не вижу. Он лежит без движения, как мертвый.

– Но он не умер, – быстро ответил я. – Ему станет лучше, он очнется, а потом станет выздоравливать. Я не исцеляю, князь, а лечу людей. Это длительный процесс. Мальчику нужно лежать в покое долгое время.

Вольдемар недоверчиво усмехнулся.

– Ты ковырял ножом у него в животе, я сам видел, – сказал он. – Разве этим можно исцелить? Волхвы никогда так не делают.

– И часто они исцеляют? – парировал я наугад и не ошибся. Раздражение против любых врачей и недовольство результатами их труда – явление, видимо, общее для всех эпох.

Вольдемар засмеялся и покачал головой.

– Но у нас нет возможности оставить Всеслава лежать в покое, – сказал он. – Мы выступаем и должны к вечеру погрузиться на струги.

Он помолчал, как бы взвешивая что-то. Потом принял решение.

– Ты можешь идти с нами, – обратился он ко мне. – Будешь сопровождать Всеслава и отвечать за него. Мы все видели твое целительство и обряды, которые ты используешь. Это невиданные в нашей земле обряды: держишь нож в огне, режешь человека этим ножом, а потом будто шьешь что-то. Посмотрим на твое искусство. Если Всеслав умрет, я сварю тебя и накормлю твоим мясом наших собак.

Он перевел взгляд на Любаву, уже переставшую к тому времени зашивать живот мальчику.

– Это – твоя помощница? – поинтересовался он. – Она не из здешних?

Любава открыла рот, чтобы ответить, но я опередил ее, солгав.

– Нет, – сказал я. – Она не из здешних, князь. Она хорошо мне помогает.

– У нее есть целительная сила?

Я кивнул, после чего конунг Вольдемар, казалось, утратил интерес к моей скромной персоне. Он тронул коня и поехал во главу своего войска.

– Кажется, нас приняли на службу, – сказал я, поворачиваясь к девушке. – Если я не ошибаюсь, Вольдемар пригласил нас следовать с его войском.

Любава ничего не ответила мне, лишь тяжело вздохнула, опустив голову. Видимо, этот день дался ей так же тяжело, как и мне.

* * *

Только поздним вечером мы дошли до реки. К тому времени я уже еле брел, стараясь лишь сохранять равновесие. Мы с Любавой плелись в хвосте идущего войска, глотая пыль, поднимавшуюся от сотен человеческих ног и десятков лошадиных копыт. Дорога была узкой, петлявшей среди лесов и полей.

Рядом с нами на волокуше тащили раненого мальчика Всеслава, и время от времени я подходил к нему. Рядом шел Вяргис, волоча за собой громадный меч и искоса поглядывая на меня.

Говорить мы не могли – все очень сильно устали. Из прежних слов Любавы и из обрывков доносившихся до меня разговоров воинов между собой я понял, что войско Вольдемара ночью причалило на стругах к берегу реки, по которой оно спускалось на юг, в сторону Киева, и дальше двинулось пешим порядком.

К раннему утру Вольдемар подошел к усадьбе сестры князя Рогвольда Хильдегард, и дождавшись рассвета, с первыми лучами солнца, напал на нее. Усадьба охранялась несколькими десятками дружинников и сторожей, но это была надежная защита от бродячих разбойников, а не от целого войска, внезапно появившегося в этих краях.

Сына Рогвольда – Хельги привязали к дереву в лесу, чтобы он умер мучительной смертью: либо от голода и жажды, либо от когтей и зубов дикого зверя. Как я уже видел, случилось второе. Любаву, бывшую с ним, привязали к дереву тоже, но уже за компанию – против нее люди Вольдемара ничего иметь не могли, а насиловать ее просто не имелось времени и желания – впереди ждала богатая

усадьба, где можно было награбить много чего, а женщины там и без Любавы водились в избытке.

Как мне стало понятно, с обитателями усадьбы поступили по всем правилам тогдашней воинской чести: Вольдемар не хотел вести себя как преступник. Например, он приказал своим воинам сидеть смирно и не нападать на усадьбу до рассвета, ждать первого луча солнца. Потому что напасть ночью – это бесчестье для воина.

А когда солнце выглянуло над лесом, усадьбу захватили и разграбили дочиста, после чего дом и остальные постройки подожгли. Затем согнали в кучу всех оставшихся в живых обитателей поместья и отделили девушек и молодых женщин. Всех остальных убили сразу, и тела их не стали сжигать, а так и бросили на земле, чтобы лесные звери имели себе пищу.

Отделенных прежде молодых женщин всем войском насиловали по очереди все утро и первую половину дня, пока готовилась на кострах пища. Затем несчастных, уже полумертвых от насилий, убили тоже.

В живых были оставлены только хозяйка поместья Хильдегард – сестра полоцкого князя и Рогнеда – его дочь, которых лично Вольдемар приказал пощадить. Но участь их оказалась незавидной…

Любава увидела свою бывшую госпожу случайно, только когда войско выстроилось и начало свое движение к реке. Эта встреча буквально потрясла ее. О себе я уж не говорю: все пережитое за этот день казалось мне ужасным и нереальным…

Мимо нас медленно проехал на коне воин, от седла которого тянулась веревка, к другому концу которой были привязаны за шею две женщины. Обе они были совершенно голые, со связанными сзади руками.

Конь двигался неспешной рысью, но несчастные все равно были принуждены бежать за ним, вытягивая шеи с закинутыми на них петлями. Иногда они спотыкались на неровной земле и падали. Тогда всадник, приостановив коня, давал женщинам подняться и небрежно стегал их длинной плеткой, зажатой в руке, свободной от поводьев. Видимо, удары плети все же оказывались очень болезненными, потому что женщины громко вскрикивали и пытались бежать

быстрее. На их обнаженных телах уже виднелось по нескольку кровавых ссадин…

Увидев эту леденящую кровь картину, Любава как-то странно напряглась, потом вздрогнула от узнавания, а затем закрыла лицо обеими руками.

– Это моя госпожа Рогнеда, – сказала она спустя несколько мгновений. – А с ней – госпожа Хильдегард… Что с ними будет?

Видно было, что девушка потрясена. Ей никогда не приходило в голову, что с ее хозяйкой – юной княжной может случиться такое. Или с гордой и властной Хильдегард, любимой сестрой влиятельного князя.

Что с ними будет? Это явно был риторический вопрос. Уже один тот факт, что обеих раздели догола и позорно гонят на веревке на глазах у всего войска, давал совершенно определенный ответ.

– Sic transit gloria mundi, – пробормотал я, не найдясь, что сказать по поводу увиденного. – Так проходит мирская слава.

Любава ничего не ответила. Может быть, она даже не услышала моих слов – ей вполне хватило увиденного.

Я заметил, что обе женщины очень красивы, правда, по-разному. Обе они были блондинками с длинными золотистыми волосами, совсем как у Любавы. Обе – белокожие, обе – с великолепными фигурами, выставленными на всеобщее обозрение. Только Рогнеда была стройной красавицей лет восемнадцати, а ее тетка имела более грузную комплекцию, но все еще сохраняла прекрасные формы. Что ж, будет чем развлечься жестоким воинам Вольдемара на очередном привале.

Конечно, на Любаву увиденное произвело гораздо более сильное впечатление, чем на меня. Как-никак, она знала этих двух женщин прежде и теперь ужаснулась метаморфозе, а еще вернее – ее поразила идея о том, как все в жизни временно и относительно. Вчерашние госпожи и хозяйки в одночасье оказались жалкими рабынями, грубо влекомыми на посмешище и поругание.

Что касается меня, то я в течение одного дня превратился из врача московской «Скорой помощи» в целителя при войске какого-то конунга. Так что мои органы, отвечающие за изумление и растерянность, к тому времени уже атрофировались от перенапряжения.

Струги мы увидели, едва за поворотом дороги показалась река. Не слишком широкая, но медленная, с очень живописными берегами, поросшими густым кустарником и деревьями, опускающими в зеркальную гладь воды свои пышные кроны.

Видимо, воины, оставленные в охранении, загодя увидели нашу колонну, потому что когда мы оказались на берегу, на стругах уже вовсю кипела работа. Мостки были перекинуты на берег, и воины принялись таскать на борт тюки с награбленным.

Шатер конунга стоял чуть поодаль, и Вольдемар проехал туда. Все остальные расположились на ночлег вокруг разведенных костров.

Вероятно, Вяргис имел от Вольдемара какое-нибудь распоряжение насчет нас с Любавой или же то оказалось его личной инициативой, но он подвел нас к одному из костров и сказал сидящим там воинам, чтобы о нас позаботились. Здесь же лежал и несчастный мальчик Всеслав, к тому времени пришедший в сознание.

Над костром вялилась пойманная, видимо, за день рыба.

С краю кострища, в раскаленных углях стоял большой глиняный горшок, из которого поднимался пар, и, едва поймав запах носом, я вдруг понял, насколько голоден. Ведь я еще утром собирался раздобыть где-нибудь еду, да так и не случилось.

Нас накормили, только с посудой тут имелись большие проблемы. Сказать точнее – ее не было вовсе. Каждый имел большую деревянную ложку, которую носил заткнутой либо за пояс, либо за голенище сапога. Вот этими ложками все по очереди и черпали из котла. Ложки были большими, и поэтому за один раз можно было зачерпнуть некоторую порцию, съев которую можно было подходить к котлу снова. Я заметил, что в среднем каждый из едоков черпает из котла по пять-шесть раз. Это было довольно удобно, потому что позволяло

каждому есть в стороне, а не толпиться постоянно всем вместе вокруг горшка.

Ложки нам в конце концов выдали, но это не было легко и просто. Общих ложек нет, а свою давать никто не хочет. В конце концов все тот же Вяргис где-то раздобыл ложки, и мы с Любавой принялись за еду.

Вот, правда, с едой у меня возникли проблемы. Если Любава с отвращением глядела на бутерброд с докторской колбасой, то теперь мне предстояло привыкнуть к здешней еде.

В горшке оказалась довольно густая каша, сваренная из цельного ржаного зерна, а для питательности туда были добавлены крупные куски копченого сала. Уже позже я узнал, что точно так же варят овес с салом, и вообще любое зерно. Сидевшие вокруг у костра воины называли это блюдо каэракиля.

Хлеба не нашлось: ржаная каша была единственной пищей среди воинов Вольдемара. Запивали пищу пивом, за которым по очереди прикладывались к деревянному бочонку. Впрочем, назвать это пивом можно с такой же точностью, как и квасом. Может быть, это была брага. По крайней мере, это был напиток из закисшего зерна, в котором содержалось не больше двух-трех градусов, – довольно пенный, отчего сразу стало пучить живот.

Сидевшие рядом с нами воины поглядывали на нас с Любавой недружелюбно, но никто не пытался нас обидеть. Впрочем, это ни о чем не говорило: к нам присматривались.

– Ты узнаешь здесь кого-нибудь? – тихо спросил я у девушки, наклонившись к самому ее уху. – Кого-нибудь из тех, кто напал на вас с Хельги?

Она отрицательно качнула головой, не поднимая глаз. Ну и отлично. Кто знает, что случилось бы, узнай кто-то из воинов ту девушку, которую утром обрекли на смерть…

Поев при свете костра, потому что уже совсем стемнело, я подошел к Всеславу, лежавшему молча.

Мальчик отказался от пищи, и я обрадовался этому. Сам я забыл предупредить о том, чтобы ему ничего не давали, кроме воды.

– Как дела? – спросил я, взяв его за руку, чтобы измерить пульс. В ответ он только пошевелил пересохшими губами и закрыл глаза. Температура у него была высокая, он весь горел.

– У него сильный жар, – услышал я голос Любавы, которая все время жалась ко мне и не отходила ни на шаг. Теперь она тоже держала мальчика за руку.

– Очень верное замечание, коллега, – ответил я с горькой иронией. – Этого следовало ожидать, иначе и быть не может. Вот только вопрос: чем снимать температуру? У тебя, случайно, нет аспирина? Или, может, сбегаешь в аптеку?

Любава пристально посмотрела на меня и произнесла слово, которого я не понял.

– Это трава, – пояснила она. – Если сделать настойку, то жар уйдет. Но у меня нет с собой ничего.

– А ты знаешь, как выглядит эта трава? – спросил я, и девушка кивнула.

Но идти ночью искать траву было бессмысленно, так что, в любом случае, приходилось ждать до утра.

– Он поправится? – вдруг спросила у меня Любава, кивнув на мальчика.

Я вздохнул. Врачу очень трудно ощущать собственное бессилие.

– Вряд ли, – честно сказал я в ответ. – Видишь ли, все против этого. Будем предполагать, что я удачно сделал операцию. По крайней мере, мне бы хотелось так думать… Но обязательно начнется загноение. Да, собственно, оно уже идет, и температура свидетельствует именно об этом.

– Жар? – уточнила Любава, и мне не оставалось ничего иного, как, улыбнувшись ее понятливости, кивнуть.

– И не только потому что у меня нет антисептических препаратов, а просто нагноение бывает очень часто, даже если все измазать йодом. Антибиотиков нет, так что…

Я махнул рукой и отвернулся. Не излагать же неграмотной девушке содержание «Очерков гнойной хирургии». Да и вообще – плохо наше дело.

Вариться мне в котле на радость Вольдемаровым собакам!

– Утро вечера мудренее, – сказал я и повалился на бок рядом с Любавой. Будь что будет, силы окончательно оставили меня. Этот безумный день должен был уже наконец хоть как-то закончиться!

* * *

День закончился, и даже большая часть ночи прошла вполне спокойно. Сквозь сон я иногда слышал разговоры сидевших у костра и ходивших мимо воинов, их смех. Слышал лай собак, которые во множестве были в войске и сидели привязанные у речного берега.

Мне даже снился сон, который предстояло вспомнить только спустя время.

А проснулся я под утро, разбуженный дикими криками, заставившими меня стряхнуть с себя нечеловеческую усталость и оцепенение.

Проснулся не я один: лежавшие вокруг у костра вповалку воины тоже подняли головы.

Кричала Любава, да, впрочем, я сразу ее увидел. И не только увидел, но оценил и понял ситуацию.

Ничего нового или старого, такое бывает в любом войске. Да что там войске, такое случается в любой компании, где собираются много мужчин и одна женщина.

Вероятно, спавшая рядом со мной Любава проснулась и отошла в сторонку справить нужду. Вот тут ее и настиг один из воинов. То ли он следил всю ночь и ждал подходящего момента, то ли проснулся одновременно с девушкой, но, во всяком случае, парнем он оказался сексуально озабоченным.

Он повалил девушку на землю в десяти шагах от костра и теперь лежал сверху, яростно пытаясь раздвинуть ей колени. Холщовое платье на Любаве было уже задрано к ляжкам, а сама она отчаянно сопротивлялась, издавая при этом крики о помощи.

Мгновенно сбросив с себя остатки тяжелого сна, я вскочил на ноги. Воин был так увлечен своим делом, что даже не обернулся, когда я схватил его сзади за плечо. Но уже в следующий миг, когда я попытался оторвать его от Любавы, он принял меня во внимание. Оставив девушку лежать на земле, воин поднялся и смерил меня блуждающим взглядом. В его глазах были похоть и ярость – ничего человеческого. Или слишком много человеческого, если считать человека зверем. Это уж кому как нравится…

Мы встретились взглядами, я оценил его мощную фигуру и вспомнил о том, что когда-то в ранней юности занимался борьбой. Но только давно это было.

Правда, воин и не думал со мной бороться, он сразу же вытащил из-за пояса длинный нож с широким лезвием. Взвесив его в руке, он смотрел на меня и ухмылялся.

Оглянувшись вокруг, я увидел множество лиц, но никто не подумал вмешаться. От криков девушки проснулись не только воины, спавшие возле нашего костра. От соседних костров тоже смотрели на нас во все глаза. Мельком я поймал взгляд Вяргиса, который был тут старшим, как я заметил, но и он лишь смотрел, явно не собираясь что-либо предпринимать.

Мы были чужаками здесь, в этом войске, а значит, попросту не подпадали под действие здешних законов. Если тут были какие-то законы и правила, то на нас с Любавой они, в любом случае, не распространялись.

Наверное, князь Вольдемар действительно поручил Вяргису присматривать за нами, но защищать нас суровый воин не видел особенной необходимости.

– Оставь ее, – сказал я насильнику, стуча зубами от охватившего меня страха. – Не трогай ее, она моя.

– Твоя? – Он казался очень удивленным. – Это твоя жена? Жена должна сидеть дома, а не ходить в походы.

Прозвучавшие слова показались мне достаточно рассудительными, чтобы продолжать диалог. Но не тут-то было – в следующий миг воин бросился на меня и попытался полоснуть ножом по лицу.

К счастью, мне удалось увернуться, отскочив далеко назад. Нельзя было принимать открытый бой с этим человеком – слишком уж предсказуемым был результат. Да и куда я против грозного ножа?

Увидев, как я проворно отскочил, насильник засмеялся, и спрятав нож обратно за кожаный пояс, обернулся к пытавшейся подняться с земли Любаве.

– Куда? – крикнул он, схватив ее за распущенные волосы. – Ложись назад! Вон куда твой защитник убежал.

Он указал на меня, вернувшегося к костру, и неправильно расценил мои действия. В следующую секунду я поднял с земли ружье…

Передо мной была сложная дилемма. Стоило ли пускать в ход оружие, да еще огнестрельное? Надо ли так страшно рисковать сейчас?

В конце концов, я ведь не знаю здешних нравов и обычаев. Очень может быть, что если женщина оказалась в войске, то она должна принадлежать всем желающим. А почему бы и нет? Ведь законные жены, вероятно, действительно сидят по домам.

Да и сама Любава…

«Сейчас она кричала и отбивалась, – думал я, – но кто знает, как она на самом деле отнеслась бы к насилию? Она ведь не человек нашего времени, у них тут должны быть свои собственные понятия о женской чести. С какой простой и откровенностью рассказала она мне накануне о том, как «любилась» с

княжеским сыном…»

Но потом я вспомнил отчаянные глаза Любавы и то, как безутешно она зарыдала, увидев свою молодую госпожу, влекомую на поругание. Нет, наверное, обычаи обычаями, а к такому насилию женщины непривычны во все времена.

Кроме того, действовать я был обязан. Оказавшись в агрессивной воинственной среде, я должен был отвечать на агрессию. Брось я сейчас Любаву, отступись от нее, и уже завтра со мной самим сделают еще что-нибудь похуже – это закон звериной стаи.

Ружье было заряжено еще накануне. Я поднял его и навел стволы на воина, уже успевшего повалить Любаву вновь на землю и устраивавшегося на ней. Теперь она даже не сопротивлялась, а лишь отвернув в сторону лицо, смотрела куда-то вбок.

– Встань и отойди от нее, – скомандовал я воину, но тот уже уверился в моем бессилии, а вид ружья ему ничего не говорил. Подумаешь, какая-то странная железная палка.

«Жаль, что заряжено жаканом, – подумал я в последнее мгновение, целясь насильнику в ногу. – Дроби вполне достаточно было бы. А теперь придется ногу отнимать».

Я выстрелил, и от грохота все вокруг вскочили. Воин попытался подняться, но не смог. Он повалился вбок, хватаясь руками за рану в голени.

Никто не понял, что именно произошло. Ошеломленные воины переглядывались, косились на меня и кричали о чем-то. Несколько товарищей подошли к раненому и принялись осматривать его.

Рана в ноге выглядела совсем не страшно в сравнении с теми ранами, которые наносились тут мечами и топорами. Так, небольшое кровоточащее отверстие…

Любава отбежала в сторону и пыталась трясущимися руками стянуть на груди разорванное платье.

– Как ты это сделал? – спросил Вяргис, приближаясь ко мне и с опаской глядя на ружье в моих руках. Он как-то связал в своем сознании странные железные палки и ранение, нанесенное его воину.

От ответа на этот вопрос могла зависеть моя жизнь. А какой ответ будет для меня благоприятным?

– Я поразил твоего человека из оружия, которое принес с собой из моей страны, – стараясь выражаться помягче, медленно проговорил я.

– Ты поразил его громом?

– Нет, – сказал я, решив, что врать не стоит. Мне, может быть, придется провести в этом мире еще много времени, и ложь дорого обойдется впоследствии. – Я поразил его маленьким куском металла, который вылетел из этой вот трубки с очень большой силой. А гром – это просто шум, с которым металл вылетел наружу. Такая штучка может пробить любую кольчугу.

Вяргис качнул головой:

– Кольчугу может пробить и стрела, выпущенная из хорошего лука. Но стрелу я вижу, а твой кусок металла… Где он?

– В ноге, конечно, – ответил я. – Если хочешь, я могу его вынуть. Только я хочу, чтобы никто из твоих людей больше не приставал к моей подруге.

Вяргис остался спокоен.

– Ждан сам виноват, – произнес он. – У вас был бой, и ты победил.

Ага, очень хорошо! Мой выстрел был признан боем, поединком, в котором я поразил врага. Это была хорошая новость, а плохую новость Вяргис сообщил мне тотчас же.

– Теперь девушка опять твоя, – сказал он миролюбиво. – До тех пор, пока ее не захочет отобрать у тебя кто-нибудь еще.

Любава приблизилась ко мне и встала рядом. Она еще вся дрожала, и я, поддавшись внезапному порыву, крепко обнял ее за плечи, прижал к себе. Я вдруг понял все, как-то одним махом охватил в своем сознании, где я и что произошло. До этого, весь предыдущий день до меня не доходило со всей ясностью и простотой то, что докатило только сейчас.

Накануне я действовал во многом механически, как бы плыл по течению событий, следуя за обстоятельствами. Наверное, последняя встряска с Жданом и моим выстрелом в него, сделанным от полного отчаяния, поставила все на свои места.

Где я оказался? Что со мной? Для чего это и ради чего? Кто даст ответ?

Мир, где я оказался, совсем не похож на мой. И далеко не только тем, что здесь нет автомобилей и аспирина, мобильников и пистолетов. К этому как раз еще можно было бы привыкнуть, но дело обстоит значительно хуже. Мир этот не похож во всем. Люди здесь по-иному мыслят, иначе общаются друг с другом, здесь царят непривычные и непонятные мне законы жизни.

Это далекое прошлое? Или одна из параллельных реальностей? Этого я определить не мог. Но ясно было, что мир этот – языческий, с чуждыми мне нравственными законами, с непостижимыми для меня понятиями о добре и зле.

И в этом мире я совершенно один, и есть у меня только один близкий человек, который тянется ко мне, нуждается во мне. Человек, которого я могу защитить, согреть и накормить. Эта вот девушка!

То, что Любава волею судьбы оказалась красавицей, было приятным, но привходящим обстоятельством, о котором я из скромности предпочитал не думать вовсе.

– Ты сильно испугалась? – спросил я девушку, которая буквально приникла ко мне всем телом.

– Сильно, – призналась она. – Я не думала, что ты сможешь одолеть этого Ждана. Он приставал ко мне еще до сна, когда я отходила от костра. Но я тогда вырвалась и убежала к тебе, и он не посмел… А теперь… Теперь…

– Ладно, успокойся, детка, – сказал я, придавая своему голосу уверенность. – Подумаешь, какой-то немытый Ждан. Больше он к тебе не полезет, и никто не полезет – я не дам тебя в обиду.

Рядом с Любавой я ощущал себя сильным и смелым, но это опасное чувство – оно может привести к безрассудству. Кроме того, мне захотелось быть еще и благородным.

– Кстати, о Ждане, – заметил я. – Хоть он и грязная скотина, но нужно позаботиться о его здоровье. Давай-ка, я подойду к нему.

Помимо благородства было и еще одно соображение. Случившийся инцидент следовало как можно скорее притушить. Конечно, после того, как я столь эффективно использовал ружье, другие воины станут относиться ко мне с опаской и поостерегутся нападать, но мало ли что может случиться. Воины – люди специфические, не стоит делать себе из них врагов. Тем более что особенно мне следовало проявлять осмотрительность: я тут чужак, один и тычусь в этом незнакомом мире, как слепой котенок. В следующий раз, если кто-то захочет убить меня, ружье может и не помочь. Да и зарядов у меня осталось кот наплакал…

Когда я подошел к корчащемуся на земле Ждану, все расступились. Он сидел, схватившись за ногу и с изумлением разглядывая ее. Боль была не слишком сильной, но ступать на ногу человек не мог.

Увидев меня, он вскинул голову, и я заметил в его глазах страх.

– Эй, – строго сказал один из молодых воинов по имени Канателень, обращаясь ко мне, – ты не можешь сейчас его убить.

– Ты мог убить его сразу, – добавил другой, – но теперь уже поздно добивать, время прошло. Это будет не по правилам.

Ну и прекрасно! Значит, все то, что я сделал до этого, признано соответствующим правилам, и на том спасибо. Мне оставалось лишь широко улыбнуться.

– Я и не собираюсь его убивать, – радостно сообщил я всей честной компании. – Просто он ранен, и я хочу осмотреть рану. Надо же вылечить вашего милого Ждана.

Пуля пробила мягкие ткани и сухожилия, но не задела кость – я мог гордиться метким выстрелом. Более гуманного ранения из ружья нанести просто невозможно. Правда, парень будет сильно хромать всю оставшуюся жизнь, но с этим уж ничего не поделаешь: ему следовало подумать хорошенько, прежде чем лезть к моей девушке.

Странно, но в ту минуту я впервые подумал о Любаве именно как о «своей девушке».

– У тебя внутри находится железо, – сообщил я Ждану, который только моргал, глядя на меня. – Можно вытащить это железо, и тогда нога постепенно будет заживать. Правда, ходить нормально ты не сможешь еще дней двадцать, но потом поправишься. Только тебе придется потерпеть, потому что мне придется резать тебе ногу, чтобы вынуть железо.

– А где стрела? – наклоняясь ко мне, спросил Канателень, и все сразу умолкли – этот вопрос интересовал всех.

– Мы не видели лука и нет стрелы, – добавил Канателень. – Как ты выстрелил в Ждана?

– Я уже объяснил Вяргису. Железо вылетает вот из этих трубок. – Я указал на ружье, закинутое за спину. – И может поразить человека на большом расстоянии. Гораздо дальше, чем стрела, пущенная из лука.

– Это волшебство? – пробормотал Ждан, продолжая держаться за свою ногу.

Я кивнул. Пусть будет так – это волшебство. В этом языческом мире быть волшебником не опасно. Наоборот, волшебников тут должны бояться. Недаром тут в почете волхвы с бубенчиками и заклинаниями.

Пулю из ноги Ждана я вытащил довольно ловко, пришлось сделать лишь небольшой надрез. Кричать от боли здесь было не принято среди воинов,

поэтому Ждан терпел молча и даже не стонал, хотя от боли лицо его побледнело и покрылось бисеринками пота.

По правде сказать, я и сам вспотел от напряжения. Резать по-живому, без наркоза – дело непривычное. Но главное, к чему я не мог привыкнуть и отсутствие чего приводило меня в отчаяние, – это антисептика. Я не мог обеззаразить рану, свой нож и даже свои руки. Стерильность – главное условие успешного хирургического вмешательства, а у меня не было ни мыла, ни йода!

Для очистки совести я даже поинтересовался, нет ли спирта. Спирт решил бы проблему. Но нет, напрасная надежда: о спирте здесь никто слыхом не слыхивал…

К тому времени, когда я закончил, наступило утро. Рассвело, и воины принялись перетаскивать свои пожитки с берега на струги. Конунг Вольдемар на своем коне отъехал в сторону и оттуда наблюдал за приготовлениями к отплытию. Его шатер, сшитый из разноцветных кусков крашеной кожи, сложили и поволокли на один из стругов.

Теперь, при свете занимающегося дня стало видно, что струги представляют собой весьма живописное зрелище. Их было десять, и все разного цвета. Главный и самый большой, на котором плыл Вольдемар, был, конечно же, красный. Другой – ярко-зеленый, еще один – синий…

На носу у каждого струга имелось грубо вырезанное деревянное изображение какого-нибудь бога. Все боги здесь были мужчинами, и только на носах двух стругов были изображены женщины, что было понятно по длинным волосам, которые явно имел в виду резчик.

Назвать эти изображения искусством нельзя – работа выглядела откровенно топорно. Да, видимо, никто и не преследовал цели создать нечто художественное: нести изображение, знак какого-либо бога означало встать под его покровительство.

Всеславу за ночь стало хуже: наложенный мною шов оставался на месте, но воспаление усиливалось. Мальчик весь пылал и бредил.

– Умрет, – сказал я себе, невольно кося глазом в сторону гарцующего неподалеку Вольдемара. – Точно умрет. И сделать ничего нельзя.

Сама по себе смерть этого мальчика не была бы для меня трагична. Мало ли трупов таких же мальчиков сожгли вчера на погребальном костре у меня на глазах! А сколько их еще бросили на растерзание диким зверям – любителям гниющей человеческой падали…

Но со смертью Всеслава могла закончиться и моя собственная жизнь, так нелепо и глупо связанная с его жизнью по прихоти безумного конунга.

– Нужна трава, – решительно сказала Любава, присевшая рядом со мной возле мальчика. – Я могу набрать и сделать отвар. Без отвара у него жар не пройдет.

«С отваром тоже не пройдет», – хотел было в сердцах ответить я, но промолчал. Все равно нам не на что было больше надеяться.

Судя по скорости сборов, у нас в запасе было еще около часа.

– А ты сумеешь найти нужную траву? – спросил я у девушки, и она уверенно кивнула в ответ.

– Я всегда и собирала травы по заказу матери, – сообщила она. – Мне ли не знать? Только я не хочу идти одна.

Она выразительно посмотрела на снующих вокруг воинов, и я понял ее – она боялась, что кто-то из них пойдет за ней.

– Вяргис, – обратился я к стоявшему неподалеку новому знакомому. – Девушка хочет пойти в лес и насобирать целебных трав для Всеслава. Но она боится идти одна.

– Ты не пойдешь с ней, – угрюмо произнес воин. – Ты останешься здесь и ответишь конунгу за жизнь его любимца. Канателень пойдет с ней. Эй! – И он подозвал молодого воина.

– Только веди себя хорошо, – чистосердечно предупредил я этого парня. – Видишь железные трубки у меня в руке? Видел, что случилось со Жданом? Эта девушка – моя!

* * *

На струг мы погрузились в числе последних. Он был зеленого цвета, а на носу у него громоздилась вырезанная из осины крупная деревянная колода с вырубленными на нем топором изображениями. Присмотревшись, я понял, что на колоде изображено три женских лица, обращенных в разные стороны. Довольно странное, если не сказать зловещее зрелище: почему-то сразу вспомнилась горгона Медуза с ее многими головами…

Кроме двух десятков воинов на струге были и другие живые существа: пять баранов, жалобно мычащих в специально огороженном для них закуте, и пять громадных собак в железных ошейниках, очень лохматых и совершенно устрашающего вида. Ясно было, что это – боевые псы, специально обученные сражаться и разрывать неприятеля на части своими острыми клыками.

Баранов же везли в качестве пищи, мобильной и всегда готовой к употреблению. Вероятно, сами бараны об этом догадывались, потому что все время волновались и глядели вокруг себя большими несчастными глазами. Общество защиты животных еще не было учреждено в этом мире…

Посреди днища нашего небольшого беспалубного корабля на обитой железом площадке постоянно горел небольшой костер, возле которого и пристроилась Любава с котелком, в котором варила отвар из собранных только что трав.

Паруса не поднимали, мы шли вниз по течению, а воины, усевшиеся с обоих бортов за весла, лишь редкими взмахами направляли струг по центру реки.

Примерно с этого момента я стал постепенно ощущать себя частью происходящего. До этого все время я хоть и действовал, делал и говорил что-то, эмоционально оставался чуждым окружающему. И лишь усевшись на корме струга, увидев, как ритмично поднимаются над водой весла и как Любава робко и неуверенно улыбается мне, склонившись с котелком у огня, я невольно вдруг поймал себя на местоимении «мы».

«Вот мы и поплыли», – сказал я себе.

Мы – это не только я с вчера еще незнакомой девушкой, но и другие люди, которых узнал также недавно, но с которыми уже успели сложиться какие-то отношения. Вчера вечером мы вместе черпали кашу из котелка, а сегодня даже успели повздорить, а затем помириться. Теперь это уже были «мы», и я с внутренним изумлением ощутил себя частью общего целого – отряда воинов, движущихся неизвестно когда и куда…

Впрочем, куда – это я скоро узнал. Собственно, об этом знали здесь все – целью был Киев. Оставив позади себя разграбленный и сожженный Полоцк и другие бесчисленные городки и усадьбы, конунг Вольдемар неуклонно шел на юг, спускаясь по рекам к стольному городу.

Шлепали весла по водной глади, громко жаловались на жизнь бараны в своем закутке, свирепо порыкивали боевые псы, а мимо по обе стороны реки тянулись красивейшие пейзажи – заливные луга, рощи деревьев с пышно-зелеными купами, и редкие хуторки из двух-трех домов, с низкими соломенными крышами.

«Природа прекрасна во все века: деяния человеческие ужасны». Эту философскую фразу я прочитал когда-то давно в старинном медицинском труде. Тогда я не особо задумался об этом, а сейчас пришло время вспомнить…

Любава сделала свой отвар и пыталась влить его с глиняной плошки в рот несчастному Всеславу. Мальчик готов был пить, он еще надеялся выжить, хотя у меня на этот счет были самые мрачные предчувствия.

– Далеко ли до Киева? – спросил я у сидевшего рядом Вяргиса, и даже сам улыбнулся, подумав, как нелепо светски звучит этот вопрос. Таким тоном спрашивают у соседа по пульману ТЖВ, далеко ли до Брюсселя…

Но воин не ощутил юмора ситуации. Он дернул себя за длинные, наполовину седые усы и ответил:

– Два дня плыть. Или три, как погода будет. Но дело того стоит. Ты бывал в Киеве, знахарь?

Решив не сообщать о том, как однажды промаялся в аэропорту Борисполь во время вынужденной посадки, я отрицательно покачал головой.

– Киев – очень богатый город, – сообщил Вяргис. – Я бывал там два раза. Там много золота и серебра. Очень много, всем хватит. А если конунг разрешит всех жителей продать хазарам, то мы получим золота еще больше.

Говорил он это совершенно серьезно, и оставалось лишь поразиться прямоте и цельности натуры этих людей.

– Но я слышал, что Вольдемар сам собирается стать князем Киева, – сказал я. – Это так? Но тогда вряд ли он разрешит продать в рабство всех жителей. Над кем же он будет князем?

Вяргис на секунду задумался, даже наморщив лоб, отчего глубокая складка пролегла на нем. Явно мышление не было для него привычным занятием.

– Жители откуда-то потом появляются сами, – наконец сказал он, решив для себя вопрос. – Наверное, придут из других городов или из деревень вокруг. Киев ведь стольный город великого князя. Все хотят жить в таком богатом городе.

– Но город уже не будет богатым после того, как вы заберете из него все золото и уведете в рабство всех жителей, – заметил я. – Вряд ли Вольдемару захочется остаться князем над пустым и нищим городом.

Эта мысль показалась Вяргису неожиданной, и он хмуро глянул на меня исподлобья. Я решил прекратить опасный разговор и не злить старого воина понапрасну.

Любава напоила-таки мальчика своим отваром и теперь, вполне удовлетворенная, села рядом со мной, доверчиво положив голову мне на колени. Иногда я удивлялся ее откровенности…

– Кто это? – спросил я, указывая на деревянную колоду с изображениями на носу нашего струга.

Вяргис с Любавой невольно переглянулись. Я задал, видимо, совершенно дикий вопрос.

Наверное, так же посмотрели бы друг на друга два москвича, если кто-нибудь вдруг спросил бы у них, что такое Кремль или Красная площадь.

– Это богини, – неуверенно ответил Вяргис, не веря, что я действительно могу этого не знать. – Если их хорошо ублажить, они помогают нам повсюду. Поэтому мы всегда возим их с собой.

– А почему их три? – поинтересовался я, все еще не в силах привыкнуть к языческому ходу мышления.

– Это Масторава, Вирява и Ведява, – снисходительно пояснил Вяргис. – Масторава – богиня всей земли, она помогает в выращивании пищи. Вирява – хозяйка лесов и помогает в охоте. Если заблудишься в лесу, то Вирява может вывести тебя… А Ведява помогает нам сейчас, когда мы плывем, – она владеет силами вод.

– В нашей земле мы называем их всех по-другому, – подала голос Любава. – Эти имена дали богиням в той земле, откуда пришли эти люди. – Она кивнула на Вяргиса, стараясь не глядеть на него. Видимо, она все еще не могла простить им того, что они сделали с ее молодой хозяйкой, с несчастным Хельги, со старым Рогвольдом, да и собирались сделать с нею самой…

Слова Любавы пришлись как нельзя кстати: мне уже давно пора было разобраться, откуда действительно пришли все эти люди? Кто такие эти воины конунга Вольдемара? Что за разноплеменный сброд собрал и ведет сейчас на Киев этот юноша с безумными глазами?

– Все из разных мест, – задумчиво сообщил Вяргис, потеребив довольно длинную бороду с сильной проседью, – но все из северных земель. Когда Вольдемар бежал из Киева, он сначала появился в земле свеев, у конунга Хакона Смелого. Оттуда, из свейской земли, от далекого холодного моря пошли с Вольдемаром первые храбрые люди. Вот они, видишь, плывут на тех стругах.

Вяргис протянул руку и указал на струги, следовавшие прямо за стругом Вольдемара.

– А когда он проходил потом через наши, новгородские, земли, то позвал и нас. Я возглавил наших людей, потому что много где побывал, видел разные земли и участвовал в битвах.

– А как называется ваш народ?

Вяргис назвал какое-то слово, значения которого я не понял. Наверное, этот народ попросту успел к исторически обозримому времени смешаться с другими народами или изменил название.

– Но я видел у вас в войске много славян, – осторожно сказал я, на что воин солидно кивнул.

– Конечно, – согласился он. – У нас много славян, да ведь и сам Вольдемар – славянин. Сын Святослава…

Полученную информацию необходимо было осмыслить. В который уже раз за последние два дня я горько пожалел о том, что мало интересовался русской историей. Интересовался, конечно, и даже книжки на эту тему читал, но, видимо, недостаточно. Я никак не мог соотнести прочитанное в книжках с тем, что видел и слышал сейчас. Моя память мучительно извлекала полузабытые исторические факты, и эти факты очень плохо соответствовали тому, что меня окружало.

Почему, если это древняя Русь, многие живущие здесь носят неславянские имена и говорят не по-славянски? С одной стороны рядом со мной сидела Любава, ночью я прострелил ногу Ждану, а в Киеве сидел князь Ярополк, сын Святослава. Но с другой стороны, тут же были полоцкий князь Рогвольд, его дочь Рогнеда и сестра Хильдегард, и эти люди вроде бы отнюдь не чувствовали себя в этой стране чужеземцами. А на носу нашего струга красовались богини финно-угорского пантеона, и рассказывал мне о них новгородец Вяргис – предводитель кого? Мери? Муромы? Веси? Карелы?

И самое главное, как ключевая загадка в сложном ребусе: кто такой конунг Вольдемар?

От ответа на этот вопрос для меня многое зависело. Убей бог, но такого исторического персонажа я не мог припомнить!

А от ответа на вопрос о Вольдемаре зависело, попал я в древний, но все-таки реальный мир или же в мир, похожий на наш, но, на самом деле, искаженный…

О самом главном вопросе, стоявшем передо мной, я вообще предпочитал не думать.

Потому что реальный это мир или искаженный, я когда-нибудь узнаю. А вот почему такое со мной произошло, и вообще, что это было…

Кто перенес меня сюда? Зачем? С какой целью?

* * *

Как это ни удивительно, мальчик Всеслав не умер. Против самых мрачных моих ожиданий, отвар, изготовленный Любавой, оказался действительно целебным. Вероятно, собранная ею трава на самом деле обладала антисептическими и противовоспалительными свойствами. Каждые четыре часа я осматривал наложенный мною шов, но не находил признаков нагноения. А раз так, у нас с Любавой появился реальный шанс остаться в живых. Пусть князь Вольдемар и сумасшедший злодей, но как-никак его задание было выполнено – Всеслав остался в живых.

Теперь у меня на струге было два пациента – Ждан не мог ходить, но позволял мне перевязывать его и смотрел отнюдь не злобно. Вероятно, все закончилось так мирно потому, что произошедшее между мною и Жданом было рутинным событием, и обе стороны повели себя так, как предписывали правила. Между нами состоялся поединок, в котором я каким-то образом победил. А раз так – инцидент исчерпан.

Хотя Вяргис предсказывал, что плыть до Киева мы будем два дня, путешествие наше растянулось на целых четыре. На ночь мы причаливали к берегу и располагались большим лагерем. Воины жгли костры и устраивались на ночлег под открытым небом. Лишь Вольдемар ночевал в своем шатре, вокруг которого на ночь выставлялось охранение.

Днем же он плыл впереди своего войска на струге, нос которого был украшен женской головой. Не тремя сразу, как на нашем судне, а одной, но зато что это было за чудище!

Резчик постарался сделать свою деревянную скульптуру пострашнее. Длинные волосы, огромные выпученные глаза, а на голове что-то наподобие рогов. К тому же голова эта была раскрашена: волосы черные, глаза – красные, а само лицо ярко-желтого цвета.

Это была богиня Мокошь – один из самых чтимых идолов. Наверное, потому, что Мокошь считалась матерью любимого бога Вольдемара – Перуна, или Перунаса, громадное изображение которого я сначала видеть не мог – оно занимало на струге много места, но было перевязано материей и скрыто от глаз.

– Вольдемар особенно чтит Перуна, – пояснил мне Ждан, который постепенно во время моих перевязок разговорился. – В наших краях больше доверяют Велесу и Чернобогу, а вот Вольдемар привязался к Перуну. Говорят, это стало так после того, как он вернулся с севера, от свеев и с берегов холодного моря. Что ж, – добавил он, проявив неожиданную для своего возраста и темперамента рассудительность, – воля его… Посмотрим, как будет Перун помогать конунгу Вольдемару, когда мы подойдем к Киеву. Слушай, скажи мне, когда я смогу ходить, – с тревогой обратился он ко мне.

– Не очень скоро, – ответил я. – Дней двадцать еще должно пройти.

Я показал два раза раскинутые пальцы на обеих руках, и Ждан понял меня. Лицо его омрачилось.

– Сделай скорее, – чуть не умоляюще проговорил он. – Если я не смогу участвовать в битве за Киев, то не получу и своей доли. Никто не станет подпускать меня к дележу добычи. Волхв, исцели меня быстрее!

Ждан был родом из Новгорода, и это был его первый дальний поход. Прежде приходилось сражаться только в мелких стычках, когда новгородцы ходили в небольшие походы по собственной земле, отстаивая ее от посягательств многочисленных соседей.

Теперь он намеревался здорово обогатиться в Киеве, и вот такая незадача…

– Ты сам виноват, – попробовал я урезонить его. – Зачем ты полез к моей девушке? Нечего теперь обижаться.

Но здесь наше взаимопонимание заканчивалось самым роковым образом. Этой разницы в подходах преодолеть было невозможно.

– Ты же спал, – недоуменно отвечал Ждан. – И потом, я вечером у костра рассмотрел тебя и подумал, что ты слабее меня. А если так, то девушка должна принадлежать мне по справедливости.

Он сокрушенно покачал головой и сказал:

– Откуда же я мог знать, что ты волхв и у тебя есть вот эта железная палка, из которой ты поразишь меня, как отравленной стрелой. Если бы я знал, то не стал бы отнимать у тебя девушку.

Ну да, в глазах Ждана я был просто чужеземец, то есть человек, которого можно спокойно ограбить или убить, и это в общем-то будет правильно. А девушку у такого отобрать и сделать своей собственностью – это доблесть.

Чем больше я общался с окружавшими меня воинами, тем яснее становилась для меня моральная пропасть, зияющая между нами. По-своему, они даже были довольно милыми людьми, и мы вполне ладили после того, как случай со Жданом поставил все на свои места и мы выяснили, кто есть кто. Нас с Любавой не обижали, даже кормили и вообще не задирали, но я отчетливо понимал, в чем тут причина. Это было лишь потому, что меня теперь боялись из-за железной палки, а еще из-за того, что в глазах воинов я был волшебником – то ли волхвом, то ли знахарем, а может быть, колдуном, способным наслать порчу, уничтожить и вообще постоять за себя. В противном случае все обернулось бы для нас с девушкой гораздо хуже.

Нельзя сказать, что в этом мире не было моральных законов, то есть понятий о добре и зле. Такие понятия были, вот только одна беда: они абсолютно отличались от моих, от всего-всего, к чему я привык и что считал естественным.

Этот мир жил по другим законам. Хорошо быть сильным, богатым, крепким. Плохо быть слабым, бедным и больным. Слабые должны служить сильным, а бедные – богатым, и это правильно, морально. А если слабый не хочет служить сильному, то сильный его убьет и это будет морально, хорошо.

Мы сидели с Жданом возле борта струга и мирно беседовали, поглядывая на прозрачную воду, но если бы тем утром я не догадался воспользоваться ружьем, этот самый Ждан спокойно убил бы меня, а затем еще более спокойно, с чувством правильности совершаемого, вернулся бы к Любаве и изнасиловал ее. А все окружающие его товарищи пожали бы плечами и, скорее всего, никак не прокомментировали бы его поступок. Потому что именно такой поступок казался им нормальным.

– Если ты исцелишь меня быстро, – говорил Ждан, умоляюще глядя на меня, – то я отдам тебе половину того, что будет полагаться мне после разграбления Киева.

Слово «грабеж» не было здесь ругательным, и его никто не стеснялся употреблять открыто. Грабеж считался доблестью, делом настоящих мужчин, лихих воинов и добытчиков. Грабежом жили викинги – те же русы, да и сам великий киевский князь Святослав регулярно и с удовольствием ходил с войском грабить богатый Константинополь – Царьград.

Во время одной из стоянок, когда еще не совсем стемнело, я решил прогуляться по лагерю, тем более что Вяргис тоже захотел пройтись – размяться после целого дня сидения в струге. Бродить по лагерю в одиночку, без провожатого я бы не решился.

Мало ли что может прийти в голову любому из разноплеменных воинов: я не произвожу впечатления богатыря, а это само по себе означает здесь приглашение показать на мне свою удаль…

Ночи были довольно прохладными, люди теснились поближе к кострам. Моя охотничья куртка не согревала, и уже на второй вечер юный Канателень вдруг принес откуда-то две длинные безрукавки из старой потрескавшейся кожи, подбитые кое-где облезшим мехом лисицы. Одну он отдал мне, а вторую Любаве, выразительно посмотрев на нее при этом.

Что означал этот его взгляд? Наверное, Канателень хотел сказать, чтобы Любава обратила на него внимание. А то несправедливо выходит. Он – такой ловкий и сильный парень, отличный воин, а она отдает предпочтение какому-то дохляку вроде меня.

«Небось, этот твой знахарь не нашел для тебя теплой одежды, а я нашел», – вот что наверняка хотел сказать моей подруге бравый молодой человек.

Но я не стал упираться, а взял принесенную мне безрукавку и поблагодарил. В конце концов, почему бы и нет? Что мне, околевать теперь от холода?

Тем более что принесенная нам с Любавой одежда наверняка отнюдь не была куплена на базаре и не сделана любящими руками родителей Канателеня. Скорее всего, это была часть награбленного в Полоцке или в усадьбе Хильдегард имущества…

Мы шли с Вяргисом неспешно, иногда он негромким криком приветствовал знакомых воинов, сидевших у костров, они отвечали ему. В меховой безрукавке я почти окончательно перестал выделяться одеждой среди прочих участников похода, и на меня не обращали внимания. От реки шла сырость и прохлада. Теперь уже понятно было, что эта река – Днепр, потому что до Киева оставалось, по словам опытных воинов, совсем немного пути.

Возле шатра Вольдемара горел костер, вокруг которого расположились приближенные дружинники, на охрану которых конунг полагался больше всего. Стоял бочонок с пивом, из которого воины попеременно пили, и громко хохотали при этом. Именно громкий хохот привлек мое внимание, потому что народ тут в основном был угрюмым и не склонным к излишнему веселью. Может быть, все воины вообще таковы, не знаю.

Но эти вели себя как-то уж очень развязно, и я пригляделся к ним.

Что это? Поминутно заслоняемая фигурами толпящихся у костра воинов, виднелась голая женщина. Она стояла на четвереньках, а сзади и спереди ею владели два воина. Остальные наблюдали за действом, гогоча и подбадривая своих двух товарищей.

– Это Хильдегард, – поймав мой вопросительный взгляд, пояснил Вяргис, словно говорил о чем-то само собой разумеющемся. – Молодую, Рогнеду, Вольдемар взял в наложницы себе, а старую отдал воинам, чтобы они тоже позабавились. Не пропадать же добру, пока мы в походе и не каждую ночь воины могут найти себе женщин.

Увидев мое смятение при таком объяснении, он засмеялся и пояснил, как для неразумного ребенка:

– Рогнеда сейчас в шатре ублажает конунга, а ее тетка – здесь ублажает воинов. Разве это плохо?

Я промолчал, только подумал, как хорошо, что Любавы сейчас нет здесь с нами и она не видит, что сделали с ее молодой хозяйкой и с бывшей владелицей поместья Хильдегард…

Хотя, может быть, Любава как раз и не удивилась бы увиденному: в отличие от меня она прекрасно знала законы своего мира.

– Вольдемар знает нужды своих воинов, – с удовлетворением сказал Вяргис. – Он и сам очень охоч до женщин. Когда он появился в наших новгородских землях, то привез с собой больше женщин, чем пальцев на моих руках и ногах. Все они были захвачены им по пути, в набегах на деревни.

– И где теперь все эти женщины? – спросил я, уже почти заранее зная ответ.

– Вольдемар решил, что глупо тащить их с собой в поход на Киев. Зачем? – пожал плечами Вяргис. – В Киеве князь Вольдемар найдет себе сколько угодно наложниц. А тех, с которыми пришел к нам, он продал богатым людям. Кого-то просто подарил. Отцу Всеслава, например, он подарил вот сколько своих женщин. – Вяргис растопырил заскорузлую от рукояти тяжелого меча ладонь и показал мне три пальца. Самых лучших женщин ему подарил. Тех, которых он захватил на берегу холодного моря.

– Но мне Вольдемар сказал, что Всеслав – его брат, – заметил я с изумлением, хотя, честно говоря, с самого начала подозревал, что конунг говорит неправду. Поручив мальчика моим заботам, он с тех пор больше ни разу не поинтересовался его состоянием. Все-таки какие бы дикие нравы ни царили в

этом мире, с братьями так не поступают.

– Конунг пошутил, – усмехнулся в длинные усы старый воин. – Он веселый человек и любит шутить. И любит называть своими братьями тех мальчиков, которых выбирает для своих утех. Он забрал сына у боярина Добрыни, а ему за это подарил трех своих наложниц с холодного моря. Настоящие красавицы…

– Зачем Вольдемару мальчики, если у него столько наложниц? – спросил я, обнаруживая полную неосведомленность о страстях, бушующих в людях не моего круга…

Вяргис, к тому времени уже успевший привыкнуть к тому, что я умственно отсталый и вообще не от мира сего, взглянул на меня со снисходительностью старика, дающего ответы несмышленому младенцу.

– Разве князь может ограничивать свои желания? – сказал он. – Князь – сильный человек, у него есть сила и войско, он властен над жизнью и смертью всех людей вокруг. Как он пожелает – так и сделает. А Вольдемар – молодой князь, в нем много силы и много желаний. Он хочет иметь все: наложниц-женщин и наложников-мальчиков. Только мальчиков он называет своими братьями.

Вяргис сообщал мне все это с доброй улыбкой, однако я чуть ли не дрожал от отвращения. Ну и чудовище этот князь Вольдемар!

Конечно, мне в жизни приходилось слышать о разных моральных уродствах и преступлениях, но никак я не предполагал, что могу оказаться в мире, где ко всему этому относятся с таким поистине поощрительным равнодушием, как к должному.

Так вот кого я лечу от тяжелой раны! Бедный мальчишка, я и не знал…

– А отец Всеслава согласился на такой обмен? – осторожно поинтересовался я. – Ну, я имею в виду – обменять собственного сына на трех девушек-рабынь? Значит, сейчас сам Добрыня развлекается в объятиях красоток с моря и при этом знает, что его собственный сын служит временным развлечением для Вольдемара?

– Не думаю, что Добрыня утешается с девушками, – хмыкнул Вяргис. – Добрыня – совсем не такой человек, как Вольдемар. Наверное, он очень жалеет сына, но что он мог сделать? Вольдемар явился к нему в поместье со своими людьми, и Добрыня принял его, как гостя. А потом Вольдемару приглянулся Всеслав, и он потребовал его себе. Если бы Добрыня отказался, Вольдемар сжег бы поместье, а Добрыню убил. А жена Добрыни и две его дочери сейчас плакали и стонали бы вон там, у костра воинов, рядом с Хильдегард…

Видимо, собственные слова о Хильдегард возбудили Вяргиса, и он, вспомнив о женщине, оживился.

– Подожди меня тут, – вдруг сказал он, – или иди со мной – как хочешь.

Он направился в сторону костра, откуда все надрывнее становились жалобные вопли терзаемой женщины: видимо, воины в своих издевательствах над беззащитной разошлись не на шутку…

– Пойду тоже порадуюсь, – обернувшись ко мне, пояснил Вяргис, – пока эти молодцы совсем не уморили ее.

– А тебя пустят туда? – дрогнувшим голосом спросил я на всякий случай.

– Обязательно, – бросил мне воин. – Я вижу своего кума там, он мне не откажет. Пойдем.

Но я не пошел, остался стоять в стороне. Комары целыми стаями налетали на меня, и приходилось все время отмахиваться. Тихий шум текущего Днепра заглушался криками развлекающихся воинов и гомоном, доносящимся от многочисленных костров, составлявших лагерь. Черными громадами покачивались на воде причаленные плоскодонные струги. Деревянные головы языческих богов и богинь в темноте были не видны, но их грозные силуэты отчетливо виднелись на фоне не успевшего еще до конца потемнеть ночного неба.

Я стоял и старался не слушать рыдающих воплей женщины у костра и взрывов хохота толпившихся там воинов. Криками они подбадривали Вяргиса, который вскоре подошел ко мне, весьма довольный собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/apraksin_ivan/podmennyy-knyaz

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить